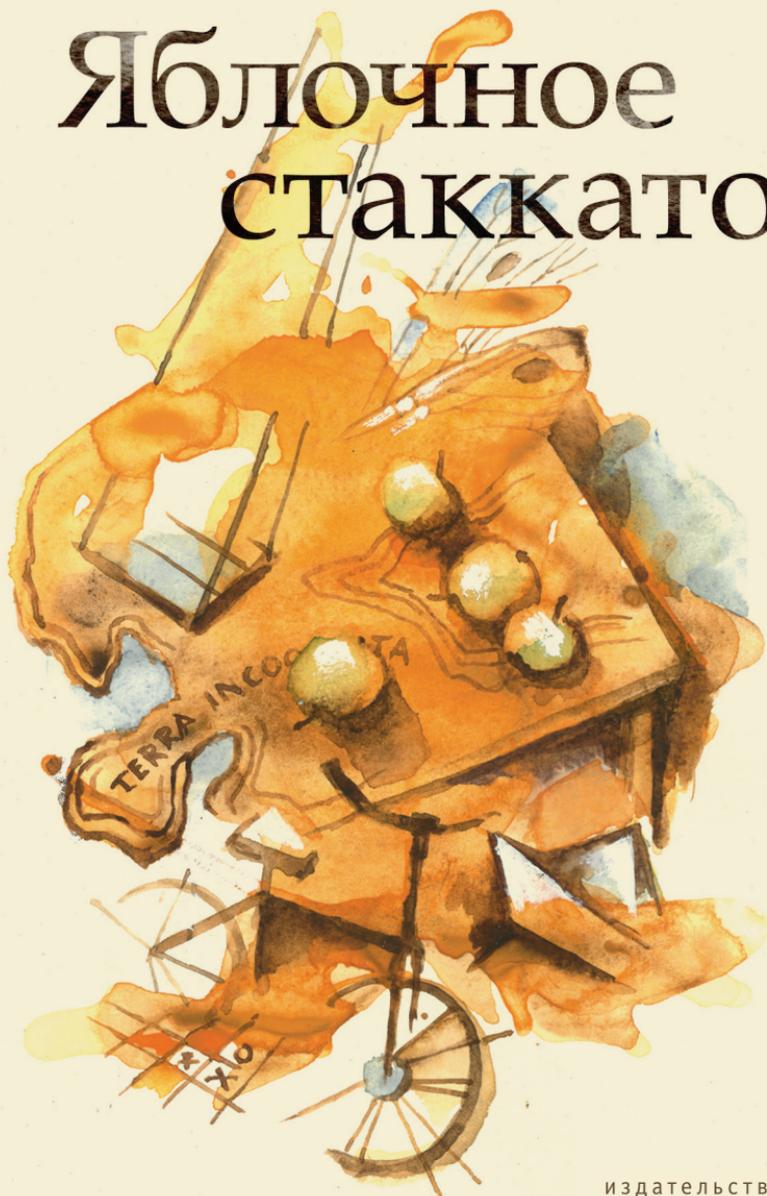

Вадим Смоляк

Яблочное стаккато

издательство
геликон плюс

Вадим Смоляк

ЯБЛОЧНОЕ
СТАККАТО

«Геликон Плюс»
Санкт-Петербург
2022

УДК 82.1.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С 51

Смоляк В.

С 51 Яблочное стаккато : Стихотворения. — «Геликон Плюс», Санкт-Петербург, 2022. — 180 с.

ISBN 978-5-00098-337-9

Сборник составлен из произведений, написанных с 2012-го по 2021 год. Это искренний, в меру ироничный взгляд на жизненные этапы моего ровесника — человека второй половины XX — начала XXI века.

Художник Игорь Васильев

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

© Смоляк В., текст, 2022.
© Васильев Игорь, иллюстрации, 2022
© «Геликон Плюс», оформление, 2022.

I

* * *

Мне в детстве снились провода,
Что по небу, как реки,
Уносят воды в никуда
Отсюда и навеки.

И, словно маленький снеток,
От блинной до пельменной
По проводам струится ток
Пугливый, переменный.

Точильщик

Когда душа покоя ищет,
Полночи память вороша,
Мне вспоминается точильщик
И согревается душа.

Мы не обмолвились ни словом
В мои неполные семь лет,
На Клинском около мясного
Его маячил силуэт.

Точил сноровисто и быстро.
Визжал вращающийся круг,
Взлетали в воздух чудо-искры
Из ничего, внезапно, вдруг!

Он — чародей ножей и ножниц,
Почище Цирка дю Солей,
Казалось, мог меня стреножить
Железной магией своей.

И я стоял, замороженный,
С другими выстроив кружок,
Сжимая в пальцах бледно-желтый
Любимый сахарный рожок.

* * *

Куда все девалось, скажите на милость?
Пропало, ушло, утекло, укатилось,
Сквозь пальцы просыпалось мелким песком,
Исчезло?..

Под стол направляясь пешком,
Себе представляя, что пространство подстоля —
Мой сказочный мир, остальное — пустое...

Что дни, как штанишки на ляпочках, сменны,
Варенья бездонны, а мамы бессмертны,
И отрывные календари
Не тают нисколечко.

Как ни ори,
В неравной борьбе с недоеденной кашей
Никто никогда не становится старше
Под нравоучения взрослой родни...

Но вдруг навсегда прекратились они.
А следом за ними негромко, незримо
Растаяли где-то прошедшие мимо
Мои беззаботные дни.

Молочный зуб

Разбирая антресоли,
Зуб молочный я нашел.
Он в коробке из-под соли
Сохранился хорошо.

В детство розовое мостик,
Где я бегал босиком.
Нитка белая, как хвостик,
Видно, выдрали силком.

Мне припомнилась картина,
Словно красочный ремейк,
Коммунальная квартира
На одиннадцать семей.

Я боялся поначалу,
Но отец сказал: «Не ной!»
Зуб, как лодочку к причалу,
Привязал за крюк дверной.

«Вырвет зуб рукой могучей
Первый к нам вошедший гость.
Пусть судьбу решает случай,
Сколько ждать бы ни пришлось!»

Топот ног раздался вскоре,
По спине скатился пот.
Оказалось, в коридоре
Пробежал соседский кот,

А от шарканья в прихожей
Я едва не обалдел —
Это опер Дядьсережа
Собирался в Райотдел.

Каблучки студентки Тани
И Пал Палыча рысца
Обманули ожиданья
Терпеливого отца.

И когда, устав от страха,
Я нечаянно уснул,
То свалился и с размаха
Подбородком «сел» на стул.

От обиды, не от боли,
Слезы лил в протертый суп,
И в коробку из-под соли
Положил молочный зуб...

На кусочек человека
Я люблюсь в тишине.
Он теперь, спустя полвека,
Стал особо дорог мне.

Как богатое наследство,
Ото всех храню тайком
Мостик в розовое детство,
Где я бегал босиком.

* * *

Что рассказать вам, избалованным
Разнообразием забав?
Как восторгался в цирке клоуном
И хлопал, голову задрал,
Когда качалась на трапеции
Гимнастка в розовом трико?
Такие простенькие специи
И те давались нелегко.
Что ваши виджеты и гаджеты
И трижды дэшное кино?
Придет конец и спросят: «Как же вы
Не ели в парке эскимо?!
На карусели в утра майские
Не пролетали вдоль перил?!»
И вот тогда ворота райские
Для вас закроет Гавриил!

Фокус

Сиротеют парки,
Осень на излете.
В цирке на Фонтанке
Кио пилит тетю.

Не слышать ни звука,
Замерли детишки.
Мама ищут в сумках
Сменные штанишки.

Пилит Кио ловко,
Видно, знает дело,
Острая ножовка
Разрезает тело.

Весело, бравурно
Тетенька хохочет
И частями в урну
Попадать не хочет.

Есть у ней заботы
И помимо смерти:
Из ремонта боты,
Однокурсник Петя,

Чопорная мама,
Хвост за тот семестр...
Дробью барабанной
Вырвало оркестр.

Раскатились дроги,
Развозя навечно,
Голову и ноги,
Задницу и плечи.

Взвыл амфитеатр,
Обомлели ложи.
Как же так, ребята?
Быть того не может!

А факир уныло
Совершает пассы.
Он давно распилом
Собирает кассы.

«Где же вы, маэстро,
Вновь себе найдете
Этой тети вместо
Новенькую тетю?» —

Спрашивают дети,
Обступая Кио.
А отцы в буфете
Допивают пиво.

Петушок на палочке

Подарили Аллочке
Петушка на палочке!

Я стою и тихо ною.
Разве что-нибудь иное
Мог я маленьким желать?
Ну, разок сходить в кино и
Полжевачки пожевать,
Прокатиться на лошадке...
Но для детской воли шаткой
Разноцветный петушок —
Это был реальный шок!

Папа мне сказал: «Нельзя!
Грязен он и жуток!»
И что я, его лизя,
Посажу желудок.

Петушок вредней поганки,
Рук не вымыли цыганки
И его слепили
Из песка и пыли.

Как же мой желудок сядет,
Если я стою пешком?
Вдруг проходит мимо дядя,
Как нарочно, с петушком!

Леденец в лучах искрится,
Всеми красками пестрит...
Вот исполнилось мне тридцать
У меня нашли гастрит.

А петушка на палочке
Подарили Аллочке!

Память прошлого

Сказала Маша: «Покажи!»
«Ты тоже!» — я сказал в ответ.
И мы зашли за гаражи.
Там ничего у Маши нет!

А у меня чего-то есть.
Нам было лет примерно семь.
Потом ее позвали есть,
А я обычно позже ем.

Все дети слушаются мам,
И сразу Маши след простыл.
А я, почувствовав обман,
Весь день капризничал и ныл.

Несправедливости ежи
Меня терзали изнутри.
Зачем я шел за гаражи
И говорил ей: «На, смотри!»

* * *

Катал девчонку на руле,
И в солнечных лучах
Текло на землю крем-брюле,
Стаканчик быстро чах.

И прядь каштановых волос,
Кружась, как егоза,
Мне щекотала потный нос
И застила глаза.

Уже планировал привал,
Но в роще облепих
Мой двухколесный Боливар
Не выдержал двоих —

На юный облик алый след
Нанес колючий куст.
Нам было слишком мало лет
И слишком много чувств.

* * *

Завершается виток.
По дороге в Шапки
Уезжает шапито
На гнедой лошадке.

Закрывается альбом —
Щелкают застёжки.
Собирают Бим и Бом
Блёлкые одежды.

По асфальту цок-цок-цок
Резво бьют копытца.
Как по капельке в песок,
Прошлое струится.

Цирковой народ хитер,
Он отыщет место
И раскинет свой шатер,
Где другое детство,

Где мои цветные сны
Будут сниться внукам,
Где над озером лесным
Не слышать ни звука,

Родниковая вода
И закат над полем...
Уезжает навсегда —
Кончились гастроли.

Чуня

Дочь, тихоня и молчунья,
Пальцем тыча в ветчину,
Плачет: «Вы сожрали Чуню!
Объясните почему?!»

Мы с женой не в силах сразу
Дать ответ из жирных уст,
Не смутив наивный разум,
Не обидев нежных чувств.

Информировать ребенка,
Налегая на филе,
Что растили поросенка
Не для модных дефиле?

Рассказать, что я беспечно
Пару сотен Буратин
За сезон отправил в печку?
И не только я один!

Что Енотик, шедший с песней
Про улыбку через лес,
В шубе выглядел уместней
И от старости не лез?

Ей поведать не возьмусь я
Тайну теплых одеял.
Это два веселых гуся —
Те, которых я стрелял.

Объясниться — труд нелегкий,
Какова на деле жизнь:
«Сказки — ложь, да в них намеки...
Ладно, дочка, спать ложись!»

Вышел из дому. На небе
Солнце светит в синеве.
На моей макушке Бэмби.
Я противен сам себе.

1. 2. 3. 4. 5. Вышел зайчик...

Крутится старая детская притча:
Зайчик беспечный и в меру дурной,
Встречный охотник — кровавый опричник,
Мнимая гибель, дорога домой

И возвращение блудного зайца
К новым прогулкам под сенью берез.
Доченька, ты за него не терзайся,
Смерть не скосила косога всерьез.

Что же у девочки слезки на глазках?
Может, пригрезилось, будто я лгу,
И в неказистую добрую сказку
Дочка не верит, как в Бабу-ягу?

Кутает куцего зайца в лоскутья,
Сделать укол умоляет ежат,
Долго колдует над столбиком ртути...
Тонкие губки, как струнки, дрожат.

Глупо пытаюсь утешить: «Послушай!
Горе — не горе. Точней, не беда!
Не умирают игрушки из плюша,
Ибо не жили они никогда.

Плачем сердечко не рви ты на части,
В лунное небо волчонком не вой.
Будет полно настоящих несчастий —
С бабушкой, с дедушкой, с мамой, со мной.

Вдоволь наплакаться выдастся повод.
Ты не растрчивай слезок зазря...»
Дробью тряпичный животик распорот.
Алым забрызгала окна заря.

Кончилась ночка. А зайка не дышит.
Дочь тербит на подоле кайму.
И на рассвете под ветками вишен
Роет совочком могилку ему.

* * *

Он бегал с копьем по даче
И первый ругался матом.
Ведь он был вождем апачей,
А я — бледнолицым братом.

Ночами по краю миски
Он резал круги из кальки,
Мечтая купить у Лизки
Один поцелуй за скальпы,

Но был бессердечно послан
В деревню за квасом. Позже
Он стал бледнолицым взрослым,
А вовсе не краснокожим.

Открыл небольшое дельце —
Мачете стальные точит,
Спивается, как индейцы
И все остальные, впрочем.

Встречаемся раз за лето
И меряем время красным.
Красавица Лизавета
Торгует в деревне квасом.

Из Мести

Она сказала:
«Посмотри на себя, мелюзга!
Штаны на резинке,
В кармане лузга.
На физкультуре ты самый низенький.
А я люблю Учителя Физики.
Мы не можем
Быть Вместе!»

Прошло Время,
Умноженное на
Силу и Мощность,
Работу и Напряжение,
Деленное на
Страх и Потери
Слезы и Расставания
И вновь умноженное на
Силу.

Наступила старость,
И, кроме Сопротивления,
У нее ничего не осталось.
А я стал Учителем Физики.
Из Мести!

Дедушкин совет

Мой дед — знаток изысканных манер,
Среди соседей слыл «интеллигентщиной».
Он, выпив, говорил мне: «Пионэр,
В чулках должны быть деньги, а не женщины!»

Я молча поучениям внимал.
Со старенькой пластинки плакал Собинов.
Я был тогда, наверно, очень мал —
Чулки я знал, а женщин не особенно.

И, вырвавшись из душевной клетки вон,
От юмора скабрезного и плоского,
Я скинул с тумбы дедов патефон,
Разбив его любимого Чайковского.

С тех пор прошло немало долгих лет.
Познав любовь, предательство, лишения,
Я понял мудрый дедушкин совет.
Но не у кого мне просить прощения.

* * *

Память — жилетка на тыщу кармашков,
Всячины всякой полна.
Вот коридоры больницы Семашко,
В окнах скучает луна.

Белый халат на плечах у Алены
И белизна ее плеч
Где-то в кармашке лежат потаенном,
Дабы подольше сбересть.

Вот перелеты на юг и на запад,
Чаячий гомон и бриз.
Вот неотвязчивый северо-запах
Пота и водки «Ливиз».

Вот я бегу, молодой и кудрявый,
На дискотеку в ДК.
Вот угоняю соседскую «Яву»,
Но возвращаю пока.

Вот аромат свежесорванных яблок,
Мама печет пироги.
Вот я по луже пускаю кораблик,
Встав на четыре ноги.

Вот от отца получил на орехи,
Вытер слезу рукавом...
Дальше в кармашках зияют прорехи.
Вроде и нет никого.

* * *

Я принял бы беспамятство. Оно —
Единственная в мире панацея.
Тогда не вспоминал бы об отце я
И от вины избавился давно

За то, что не поспел издалека
В часы его последнего заката.
Мне грезится казенная палата,
Бессильная отцовская рука.

Я принял бы от мыслей об отце
Не буйное беспамятство хмельное,
А тихое, умильное, болезненное
С дурацкою улыбкой на лице,

На время, что стремится к декабрю,
Остался бы безвиновен и немислим.
Но память мне велит: «Поговори с ним».
И я не принимаю. Говорю.

* * *

«Папа, скажи мне, что будет, когда
Я пропаду, растворюсь без следа,
Ночью холодной, подобно сычу,
В небо бездонное я улечу?

Будет ли так же кружиться земля,
Будто со мной, но уже без меня,
И по утрам заниматься рассвет?
Папа, скажи только “да” или “нет”.

Песен весенних не стихнет свирель?
Кисти в июне раскинет сирень?
Мысли о смерти — тупые ножи.
Как с ними жить? Научи, подскажи!»

Папа ответил: «Послушай, сынок,
Я бы тебе рассказал, если б смог.
Весь этот мир, как немое кино,
Сам наблюдаю я с неба давно.

Так же, как прежде, горят фонари,
Люди и птицы молчат о любви,
Вьется вагонов цветная змея,
Будто со мной, но уже без меня...

Что за слезинки напрасные? Брось!
Смерть — это вместе, а жизнь — это врозь.
Время течет, словно в речке вода,
И не исчезнет оно никогда».

Не умирайте

Проснулся ночью. Суставы ныли,
Промозглой осенью сбиты с толку.
Я умоляю, мои родные,
Не умирайте, живите долго.

И не бросайте меня на свете,
Где даже вместе бывало страшно.
Ведь здесь останутся только дети
И ненамного собака наша.

Смотрю, как дождь разбивает лужи
И чертит воздух косой линейкой.
Один, последний, кому я нужен?
Под солнцем сохнуть руиной некой,

Копаться в памяти, будто в баке,
Где пыль, обноски и нечистоты:
Вот тут я жил постоянно в браке,
Вон там работал и делал что-то...

И в даль толкая свою тележку
Среди других полоумных нищих,
Понять внезапно, что бродишь между
Во тьму не взятых, на свете лишних.

Холодный саван пустой кровати
Зовёт назад, прогоняя думы.
Мои родные, не умирайте,
Пока я сам до конца не умер.

Яблочное стаккато

Разве в грохоте падающих яблок
Можно услышать порядок?
Музыку жаркого лета?
Если возможно это,
Получится оперетта,
Где партию соло-баяна
Исполнит моя же мама
В смокинге старом-старом,
Раздобытом по случаю где-то.
Отец дирижирует редко,
Но ради такого момента,
Наверное, нам не откажет,
Споет потихоньку даже
И пару стихов расскажет.

Умывшись водой из-под крана
Божественно легким утром,
Покрасив забор перламутром,
Мы будем слушать музыку,
Рожденную четким ритмом
Падающих на землю яблок.

II

Адам

С той поры, как Бог со́здал Еву в упрек Лилит,
У Адама дергает слева и бок болит.
В кипарисовых рощах бродит он, обнажен,
И по-тихому ропщет вроде на выбор жен:
«Командир! Без обид, чего там... — бубнит, смеясь, —
В гости к Еве заходит черт, он на вид змея-с,
Подарили вы море, горы и в небе бра,
И фемину, что мне покорна, взамен ребра,

Но скажу я вам, Боже, рожу свою воздев,
Мне гораздо дороже общество юных стерв,
Эту страсть не отбили розги, псалмы и бром.
Возвращайте, как было, Черт с ним, с моим ребром».

Вечное движение

На первый взгляд, без видимых причин,
Во тьме сияя блюдцами проплешин,
Уходят сотни стоящих мужчин
От неплохих по большей части женщин.

И в тот же миг в плену своих кручин,
Как талисман, храня следы затрешин,
Вполне приличных, в сущности, мужчин
Бросают сотни преданных им женщин.

Презрев достаток, звание и чин,
Они шагают прочь, понурив плечи,
В объятья сотен правильных мужчин,
Идущих от нормальных с виду женщин.

И так до самых старческих морщин
Круговорот безжалостно заверчен,
Поток мужчин всегда неистощим,
И бесконечна очередь из женщин.

* * *

Шуршал запиленный винил.
Ты поправляла челочку...
Да разве я тебя винил
Когда-нибудь и в чем-нибудь?

Я был законченный нарцисс
И фанател от Запада,
А ты, держа дрожащий диск,
Спросила тихо: «Заппа, да?»

Я, близко знавшийся с фарцой,
Кивнул многозначительно —
Он на галёре шел по сто,
Как раз оклад учителя.

Но в дверь пронзительный звонок
Навек прервал гармонию.
Подумал: «Кто бы это мог?
Никак отец-мильтон её!»

Я говорил тебе: «Не дрейфь!
Ну что он с нами сделает?»
А ты уперлась взглядом в дверь
И сразу стала белая.

От злой судьбы спасенья нет,
Она у нас лукавая.
Летит пластинка на паркет
И тут же бьется надвое.

А вместе с нею наш роман —
Почти кино индийское.
И дальше шел мой караван
Уже с другими дисками.

В лихое время с головой
Нырнул я, dna не ведая.
И деньги были, и конвой,
И радость вместе с бедами.

Что четверть века? Пустяки,
Не повод, чтоб отчаяться.
Вон, берега одной реки —
Те вовсе не встречаются...

Но я тебя не позабыл,
И не сержусь нисколько.
Шуршит запиленный винил.
Ты поправляешь челочку...

* * *

А ничего бы не было,
Если тебя бы не было.
Ехал бы с богом в Лемболово,
Или, допустим, в Репино,
Пил бы себе до лепета,
До головоболелова.
Хватит и взгляда беглого,
Чтобы понять, что не было бы
Неба и света белого,
Если тебя бы не было.

* * *

Мы телами срослись, словно два балаганных уродца,
Растеклись по сосудам и корни пустили под кожу.
Кто-то в складках кулис, наблюдая, над нами смеется,
Кто-то яростно судит, не веря, что это возможно.

Уходящей грозы незаконнорождённые дети,
Мы на грядке взошли, где хвости да прогорклая почва.
Наш эзопов язык состоит из одних междометий.
Наши раны и швы меж собою завязаны прочно.

Говорят, что ученые скоро придумают скальпель.
Он разрежет на лучики диск восходящего солнца,
Паутину дождя рассечет на мельчайшие капли,
Препарирует душу, лишь лезвием острым коснется...

И тогда, задыхаясь от боли и воя от грусти,
Вознесем на небо частицами звездного пазла
И попросим впустить нас обоих, и ангелы впустят
И старательно склеят, как будто разбитую вазу.

Шрамы

Горят и ноют ночами шрамы,
Сдирают кожу с меня живого.
Два застарелых — от детской травмы,
А третий, новый — от ножевого.

Кому набила судьба наколки,
До смерти их никуда не денет.
Два — от падения с верхней полки,
А третий, свежий — от жажды денег.

Веревкой алой стянулись ткани,
И мне казалось, их вид уродлив,
Но шрамы вдруг приглянулись Тане,
Нашедшей в линиях иероглиф.

Она их гладит и дует нежно,
Как будто тушит под утро свечи.
Я засыпаю небитым, прежним
И забываю свои увечья.

Однотрубный

Поначалу цель не казалась трудной —
На просторах клетчатого листа
Притаился маленький однотрубный
В неизвестной бухте. Одной из ста.

Я считал, что стоит расставить мины,
Прочесать фарватер от «А» до «К»,
Чтоб увидеть, как проплывает мимо
Однотрубный труп моего врага.

Задымилась палуба у эсминца,
И красавец крейсер пошел на дно.
Им давным-давно ничего не снится,
Да и мне не спится давным-давно.

Я утюжу волны прямой наводкой,
Корабли сжигаю, как письма жгут,
А последний будто подводной лодкой
От беды залег на бумажный грунт.

Мы с тобой на поле морского боя.
Мы бурлим, как два судовых котла,
Щеголять пытаемся, хвост трубою,
И спалить стараемся все дотла.

Но когда судьба к нам бывает грубой
До морганья век, до дрожанья губ,
Выплывает маленький однотрубный,
Уцелевший в море сожженных труб.

За мгновение до...

Я бродил по Монмартру, пил кофе в Лидо,
На полях Елисейских кормил голубей,
Если б знал о тебе за мгновение до,
Никогда не махнул бы в Париж, хоть убей!

Дождь хлестал сквозь дыру, что проделал Эйфель,
Город вжался в зонты — не отель и не дом.
Я зашел обогреться в ночное кафе
И взглянул на часы за мгновение до...

Ты явилась, как призрак из сладостных грез,
Шансонье проглотил свой хмельной баритон.
Ты шепнула, кивнув на двойной кальвадос:
«Вы грустили, месье, за мгновение до?»

Позабыты дела и дорога в Орли,
На жаровне страстей нас сжигал термидор.
Мы хотели сойти, но сойти не смогли
С карусели любви за мгновение до...

Сердце стерли в муку жернова Мулен Руж.
Ты садилась у входа в чужое ландо.
У тебя оказался влиятельный муж.
Ты вернулась проститься и всхлипнула: «До...»

Часто видел ночами, как будто в бреду,
Силуэт, исчезающий в жерле метро,
И, казалось, вот-вот докричусь, добреду,
Но рассвет настаивал за мгновение до...

Были страны другие и встречи еще —
Все равно, что на кружево стелют рядом.
Ни о чем не мечтаю я так горячо,
Как вернуться назад, за мгновение до...

Я бродил по Монмартру, пил кофе в Лидо,
На полях Елисейских кормил голубей,
Если б знал о тебе за мгновение до,
Никогда не махнул бы в Париж, хоть убей...

* * *

У ротации встреч и прощаний
Есть единственный стимул — игра.
Ты недавно зашла за вещами
И сказала: прости, мол, пора.

Я немой акробат перед сальто
Всем законам земли вопреки
Слышал сердцем, как тело асфальта
Протыкали твои каблуки.

Стол покрыли пунцовые пятна
От вина, что текло по усам.
Переходят считалочки в прятки,
Только ищешь и прячешься сам.

Кукла Вуду

И оправдываться не буду,
И проситься назад не стану.
Чуть потыкаю куклу Вуду
И обратно в сервант поставлю.

Посижу у окна в питейной,
Попускаю в стекло колечки,
И пойду на ночной Литейный
И начну танцевать от печки.

Одинок? Ну и что ж такого?
Не красавец? Да так и было!
Но веселые три аккорда
Голова моя не забыла.

В этих звуках проснется удаль,
Стоит струн мне коснуться только.
И останусь я жив, покуда
Их мотив до конца не смолкнет.

Так кружитесь в осеннем вальсе,
Словно листья, седые кудри!
А печали делитесь на семь
И растайте в мудрёном утре.

И оправдываться не буду,
И проситься назад не стану.
Чуть потыкаю куклу Вуду
И обратно в сервант поставлю.

* * *

По бульвару трамваи бегут, звеня,
До конечной и снова в обратный путь.
У меня еще утром была семья.
Настоящая женщина — ноги, грудь.

Я мотался на службу всегда к восьми.
Возвращался средь ночи едва живой.
Ради женщины той я бы лег костыми,
Потому что любил и считал женой.

Ничего в ней такого — совсем не мисс
Ни вселенной, ни города, ни села.
Отчего-то я каждый ее каприз
Исполнял, чтобы только она цвела.

А сегодня остыл мой порыв к труду.
Разорвало на службе трубу — потоп.
Я решил, что пораньше домой уйду,
А работу доделать смогу потом.

По бульвару трамваи — второй, седьмой.
И тринадцатый тоже бы подошел.
От него чуть подольше идти домой,
Но по солнцу не холодно. Хорошо.

На рекламной растяжке — Бали, Пхукет.
Заработаю денег — туда махнем.
У старушки горбатой купил букет,
А вина не решился — что толку в нем?

Поднимаюсь по лестнице. Сломан лифт.
На четвертом выносит ведро майор —
Пачку «Кента», бутылку «Шато Лафит».
Присмотрелся получше — ведро моё.

По бульвару трамваи бегут, звеня,
До конечной и снова в обратный путь.
У меня еще утром была семья.
Настоящая женщина — ноги, грудь...

Синяя борода

Послушай, детка, так было вечно
В Египте, в Греции и в Орде —
Мужская ревность бесчеловечна,
Но дело, видимо, в бороде.

Она рождается в недрах кожи,
Восходит грядкой густых ворсин,
Растет, кудрявится и — о боже! —
Ее внезапно бросает в синь,

Как символ выхода из-под гнета,
Освобожденья ума от чар,
Она сильнее, чем Фауст Гете,
И смертоноснее, чем анчар.

Я не читаю тебе нотаций,
Срываясь в крик и на нервный тик,
Но с нарушением пигментаций
Проснулся мой основной инстинкт.

Во мне кипит возмущенный кобальт,
И стал я чувствовать бородой,
Что сколько ты ни откроешь комнат,
Всегда не будет хватать одной.

Не пой мне песни в ключе скрипичном,
Слезами жалости не зови,
Твоя практичность архетипична,
Как ярость рьяного визави.

Здесь бесполезен герой Россини.
И злая брань. И тупая лесть.
Когда ты видишь, что стала синей
Совсем недавно седая шерсть.

А для расправы найдется повод —
Пустая сплетня, случайный блуд...
Мужская ревность — отменный повар,
Матерый мастер холодных блюд.

Пускай рисуют анималисты
С меня зверей неземных пород,
Но Бог — не Фарбер, как ни молись ты,
И он не бреет чужих бород.

Растительная жизнь

(романс)

Растительная суть медлительна, бездушна.
Раскидистая сныть, хмельной болиголов,
Покрошенные в суп и втертые наружно,
Не в силах воскресить умершую любовь.

Я ездил по заре от суженой на сутки
И как-то невзначай с букетом дорогим
Вернулся и узрел в ее пастушьей сумке
Мохнатый иван-чай, подаренный другим.

Был сладострастный рот, как роза, разукрашен,
Он зычно произнес холодное «Отхлынь!»
Я смял морковный торт в березовую кашу
И слил брусничный морс в прогорклую полынь.

В душе горит репей, и мята в сердце зябнет,
Когда осознаю, что я любил не ту.
Боярышник теперь с пустырником друзья мне —
Они не предадут и оба на спирту.

Про ревность

Оценив твои потребности,
Я сходил с ума от ревности...

Надевала ты наряд —
Ревновал ко всем подряд:

К продавцу из магазина,
К фотографии грузина,
К разбитному битюгу,
К телефону, к утюгу.

Если ты наряд снимала,
Ревновал к кому попало:
К почтальону, к алкашу,
К мачте и карандашу.

А когда мы шли в кино,
Ревновал тебя к Рено,
И к Жерару Депардье
Ревновал тебя везде!

Ревновал тебя я даже
К Аполлону в Эрмитаже,
К дряхлой мумии в гробу
И к фонарному столбу.

Унижался и скандалил
В зоопарке. Словно Даррелл,
Лез на крышу и в подвал.
Боже, как я ревновал

К зебре, кобре, кукабарре!
А потом, набравшись в баре,
К игуане и сычу,
И к Ивану Денисычу.

Пронеслось всего полвека —
Над тобой моя опека
Ослабела, пыл иссяк.
Если был какой косяк,
Ты его отмыла щами.
Я за все тебя прощаю:
За сыча и битюга,
За четыре утюга.

Я тебе прощаю даже
Аполлона в Эрмитаже,
И противного Рено
Я простил тебе давно...

Я сходил с ума от ревности,
А теперь мы оба — древности.

* * *

Мне Молодость наставила рога,
Сказав, что ей дорóга дорогá
И будет интересней вместе с теми,
Кто чувствует уверенность в постели.
Ведь главное для Молодости — злость.
Оставит на прощанье цепь и кость
И, дабы не приелась конура мне,
Подарит свой портрет в оконной раме.

Знакомство

Девушка, девушка, как вас зовут?
Дайте мне ваш телефончик.
Разве похож я на старых зануд?
Что? Говорите погромче!

Много девиц повидал на веку,
Честное слово, не лгу я.
Только одну за собой увлеку —
Сразу желаю другую.

Вы же прекрасны с любой стороны!
И, уважая устои,
В сотах огромного улья страны
С вами ячейку построю.

Купим домишко, посадим герань
И нарожаем детишек.
Что ж вы бежите, как резвая лань?
Можно немножко потише?

Девушка, девушка, выпьем чайку
И навернем бутербродов.
Мама просила вас быть начеку?
Мало ли бродит уродов!

Дайте же вас проводить до угла,
До проходной, до спортзала...
Ах, если б старость хоть что-то могла...
Эх, если б молодость знала...

* * *

Запомянай мяня таким.
С растушей лысиной и грузным,
Индиферентным, вялым, грустным,
Сварливым, мелочным. Плохим.

Запомянай мяня таким.
Пустившим корни в почву кресла.
Неэстетичным, неуместным,
Как русло высохшей реки.

Запомянай мяня таким.
Небрежным, немощным и хворым,
Смотрящим ночью в окна вором,
Который тащит медяки.

И с этой памятью покинь,
Чтоб слез не лить на дно могилы.
Не помни ласковым и милым.
Запомянай мяня таким...

Она

Зубы дрейфуют в стакане, как талые льдины,
Встали на страже в дверях скандинавские палки,
Мысли и чувства с годами слились воедино
Где-то на стыке балета и зимней рыбалки.

Дремлешь ли в кресле, свой сон охраняя газетой,
Капаешь соус на ворот любимой рубашки —
Я обожаю тебя и за то, и за это,
За удовольствие холить и делать поблажки.

Если ворчу, то погода виною, не боле,
Если ругаю, прости мой несносный характер.
Я не боюсь в этой жизни ни хвори, ни боли —
Страшно остаться единственной точкой на карте.

Время способно делить на последних и первых,
Время на правых и на виноватых не делит.
Ты пощади мои старые слабые нервы —
Предупреди об уходе хоть за две недели.

Выветрим запах лекарства и вытравим плесень,
Пусть иголку гулять на виниловый глянец.
Вместе с тобой под мелодии свадебных песен
Выйду на самый печальный и медленный танец.

* * *

Как выясняется, время не лечит
И не приносит покой.
От накопившихся противоречий
Время — спаситель плохой.

Не обрывает оно вереницы
Воспоминаний моих,
Из-за которых ночами не спится
И не слагается стих.

Не унимает горячечной дрожи
От пережитых утрат.
Времени минуло мало, быть может?
Или я сам виноват?

В том, что лимоном не спрятался кислым
В горьком полынном вине.
Что не сжигаю по осени писем,
В марте отправленных мне.

Что не стираю проклятую память
Вроде цветного тряпья.
В том, что до смерти пытаюсь оставить
В сердце частицу тебя.

Молитва

Не забирай ее, Господи! Пусть живет.
Пусть остаются теплыми грудь, живот.
Все, что просил по осени на нужду,
Не посылай мне, Господи! Подожду.

Не отнимай у губ ее сладкий дух.
Лучше старух забытых тобою двух
Вынй из земного ада в небесный рай.
Только ее не надо, не забирай!

Знаешь, ничтожно мало она жила,
Видишь, душа — воздушные кружева,
Слышишь, как голос тихий сквозь вой стихий,
Словно молитву шепчет ее стихи.

Хоть не грешила, всё же грехи прости.
Тело — пушинка, больно тонка в кости,
Не утолит кровавое воронье.
Боже, помилуй, не забирай ее!

Дай домечтать, доплакать и долюбить.
А про меня не думай, уж так и быть.
Все, что я клянчил давеча в сентябре,
Не посылай, не надо. Оставь себе...

III

* * *

Сейчас я понимаю, что стезя —
Отрезок небольшого перегона,
И сходят закадычные друзья,
Как будто на конечной из вагона.

Но если б жизнь описывала круг,
То ехавший с устатку или пьяный
Проспал бы закемаривший мой друг
Платформу остановки окаянной.

А утром растревоженной совой
Глядел в окно, отпаивался чаем
И мчался по дороге кольцевой
Туда, где я опять его встречаю.

* * *

Мы привыкли делить этот мир на двоих,
Даже если он был к нам неистово лих.
На двоих, отправляясь в крутой переплет,
Набивали бывалый рюкзак.
Но теперь наши души броней обросли,
Не дослушан Кобейн, не досмотрен Брюс Ли.
За тобой прилетел голубой вертолет,
А за мной грузовой автозак.

Разбежались дороги на зюйд и на ост.
Слишком долгая память — ненужный нарост.
Без нее улучшается тонус и пульс
И здоровым становится сон.
Отчего же тогда, как восходит луна,
Сердце ухаёт, словно удар колуна,
И мне кажется, я никогда не проснусь
И не кончится мертвый сезон.

Позабить невозможно, а помнить нельзя.
Надо Богу шепнуть, что мы снова друзья.
Для него это шутка из детских забав —
Все равно будто по морю вброд.
И мы воем протяжно холодной луне
На разнеженном пляже и на Колыме,
Но слова, замерзая, хрустят на зубах
И до крови царапают рот.

Так решила судьба из-за пары монет.
Между нами лукавых и праведных нет,
И вину, как вино, до конца не испить,
А вода не смывает грехи.
Ты когда-нибудь вспомнишь за рюмкой sake,
Что весь мир умещался в одном рюкзаке:
И дыхание ветра, и пение птиц,
И свинцовое тело реки.

Враг

Он с детства был моим врагом —
Единственным, заклятым.
Его мы ждали за углом —
Хорошие ребята,

Когда трусливо семенил
Со школы, озираясь.
И били больно, что есть сил,
Под дых попасть стараясь.

Потом пошли мы в институт,
И с первого же курса
Нас угораздило и тут
Нешуточно схлестнуться:

В одну девчонку в январе
Мы по уши влюбились
И в нашем маленьком дворе
Уже до крови бились.

На пару лет военкомат
Устроил перемирие:
Таскали оба автомат
В Перми и на Памире.

Придя домой и взяв ерша
За исполнение долга,
Мы обнялись, как кореша,
Тепло, но ненадолго.

Телега жизни понеслась
Под горку, громохая.
Я эком в ней катался всласть,
А враг мой — вертухаем.

Слепую ненависть к нему
Я нянчил, как дитяню.
Все думал: если вдруг умру,
Обрадуется, дятел!

Недавно, обходя сугроб
Походкою нетрезвой,
Я увидал, что черный гроб
Выносят из подъезда

Суровых четверо мужчин,
Построенных по двое.
А в нем под сеткой из морщин —
Лицо его больное.

Торчали желтые цветы.
И я не слышал больше
Такой звенящей пустоты,
Как той морозной ночью...

* * *

Когда жевали мы гудрон
У сельсовета —
Сережка, Колька, я, Андрон,
Семен и Света, —
То мир казался немудрен,
Как танец полька.
Но вот ушел от нас Семен,
А следом Колька.
Сережка стал в тюрьме своим,
Украва борсетку.
Увез паром в Ерусалим
К арабам Светку,
Андрон поет про дежавю
Мне из дурдома,
А я по-прежнему жую
Куски гудрона.

* * *

«Похожа ночь на мусорный мешок», —
Сказал мне закадычный корешок,
Большой знаток общественных отбросов.
Мы с ним чехлили трупы, как зонты,
И до подвала вечной мерзлоты
Толкали на раздолбанных колесах.

Кого везет последняя кровать,
Со временем становится плевать
Наследникам профессии Харона.
Фантазии у нас не проханже:
Заходит пассажир на этаже —
И двигаем по лесенке синхронно.

Дороги в мир немых аорт и вен
С коротким перерывом на портвейн
Давались мне уверенно и быстро,
Но вдруг увидел девушку одну,
Приколотую к смертному одру,
Как бабочка в руках натуралиста.

Колес моих кривая колея
И грязный край казенного белья
Служили жизни призрачной границей.
Где логика у высшего суда,
За что упрятал ветреность сюда,
Не воздавая мерзости сторицей?

В отличие от кореша-бича,
Я дальше шел, под нос себе шепча,
Надеясь втайне выторговать словом
Лекарство, чтобы девушка жила.
И так была наутро тяжела
Каталка с юным телом невесомым.

Очки

Перебираешь тряпье в бачках —
Ищешь сапог, а находишь лапоть...
Было б сподручнее мне в очках,
Чтобы чего-нибудь не прошляпить.

А без очков — подорвешься в рань,
Опережая Фому и Фрола,
Видишь в помойке сплошную дрянь,
Вроде «Брокгауза и Эфрона».

Раньше имел я такой прибор —
В тонкой оправе, работы Цейса.
Милое дело — пришел во двор
И, словно снайпер, в помойку целясь!

Как-то погожим весенним днем
Рылись с Фоמוю и Фролом вместе.
Вдруг в уголке перед самым дном
Я углядел здоровенный перстень!

Солнце горит на его боках,
Всеми цветами играет в камне.
«Вот, — говорю, — повезло-то как!
Вот повезло-то сегодня как мне!»

Фрол говорит: «Наш удел — сума.
Сдать его надо в бюро находок!»
Видно, бедняга сошел с ума
За предыдущие десять ходок.

Вьется змеей шепоток Фомы:
«Дайте на время мне эту штуку.
Я приценюсь у одной кумы...»
Тут он затих и отдернул руку.

Вышли из тачки крутой качки —
Дурно воспитаны, злы и грубы
И раздавили мои очки,
Не пощадив заодно и зубы.

Был я богатым всего лишь миг
И не успел намечтаться вдосталь,
Как поедаю копченый шпик,
Плаваю в море, лечу коросту...

Живо в деревню Фома слинял,
И говорят, что покой обрел там.
Долго выхаживал Фрол меня,
С ложки давая размякший «Ролтон».

Друг познается всегда в беде,
В панике — трус, супостат — в могиле.
Только предатель в любой среде
Теплится тускло, подобно гнили.

Были мы ветки, теперь сучки.
Скоро углями в печи истлеем.
Если бы я раздобыл очки...
Мир показался бы мне светлее.

* * *

Не трое в лодке — двое в кедах,
Не по реке — сухим путем
Брели в раздумьях и беседах
От сих до сих, о том о сем.

Один пузатым был, как бочка,
Другой же тощий, как сопля,
У одного была заточка,
А у другого конопля.

Был первый — точно Стенька Разин,
И словно Ганди был второй.
О том, что мир многообразен,
Они болтали меж собой.

И вместе вспылчивый, как порох,
И рассудительный, как лед,
Во время этих разговоров
Переходили на полет.

Грешник

Рад бы в рай, да грехи не пускают
Полететь, над погостом паря, —
Беднякам не давал ни куска я,
Не плескал им на дно стопаря.

И не вскакивал в полном трамвае,
Уступая нагретый привал,
Тем, кто шел мне навстречу, кивая,
Я презрительно в спину плевал.

Клял работу и жаловал отдых,
Шиковал, как последний пижон,
Ненавидел детей и животных,
Оживóтил детишками жен,

К седине не питал уваженья,
Но зато уважал капитал.
Да на небо с таким снаряженьем
Ни один самолет не взлетал!

Превращаясь в степенного старца
И летальность имея в виду,
Полагаю, придется остаться
На какое-то время в аду.

* * *

Когда бы не был мил я небу
И веселился на потребу
По мановению вельмож
И был везде без мыла вхож,

То, раболепие питая,
Сверкал бы в перьях из Китая
И, на лету серсо лоя,
Свистал бы пуще соловья.

Но мил я небу. И поныне
Хлебаю зелье из полыни.
Душа, как чистая скрижаль,
Чужда продажности.
А жаль.

«Батя!»

Я шел и думал, что люди — «братья»,
Ну в крайнем случае — «кореша́»,
Как вдруг на Клинском услышал: «Батя!»
От неизвестного алкаша.

Он мнил изделий стрельнуть табачных
Себе и парочку для ребят,
А я помоями мыслей мрачных
Стоял облит и тоской объят.

Казалось, с виду совсем не стар я,
Волос с лихвою на толстый дред,
Еще вчера мне кричали: «Паря!»
А завтра, что же, окликнут: «Дед»?

Я знаю, выдержать мне по силам
Тот груз, который теперь ношу.
Но сигареты, что так просил он,
Не дал я наглому алкашу!

* * *

Попросил я друга Левку,
Чтоб намылил мне веревку.
Ну а Левка дал в ответ
И пеньку, и табурет,

И большой еще окатыш
Дорогого мыла ландыш,
И от люстры медный крюк —
Вот что значит верный друг!

* * *

Мне кажется, что-то упущено,
Как бабушкин старый клубок,
А тонкую ниточку сущего
Я так ухватить и не смог.

Затянется стеклышко инеем —
Слепой катарактой зимы,
А я уже выболел, вылинял
И вытерся с этой Земли...

* * *

На платформе ветрено.
Скорый жду, а нет его.
Выбился из графика
На десяток лет.
Всё потратил дочиста
И до Одиночества
Без числа обратного
Взял один билет.

Небогат пожитками,
Выпью кофе жидкого,
Пробегу заглавия
Старых новостей
И на горстку медную
Закурю последнюю —
Станет сердце радостней,
А глаза грустней.

Не жалею. Не о чем.
Подремлю-ка, едучи
Под галдеж попутчиков
Да под стук колес.
После чарки красного
Сон приснится ласковый,
В нем улыбка девичья
И ни капли слез.

Черт меня укачивал
С Тынды до Мукачева,
Из сугробов северных
На морской песок,
И в цыганском таборе,
И в холодном тамбуре
Укатила молодость,
Поседел висок.

На платформе ветрено.
Скорый жду, а нет его.

* * *

Позабыли друзья. Прекратились звонки.
Я остался один, будто вполневоин.
По квартире моей потекли сквозняки —
Так безудержно льется вода из пробоин.

Незаметные дети враждебной среды
Крутят пыльные вихри в паркетной пустыне
И ушедших друзей обдувают следы,
Для того чтоб они еще больше остыли.

* * *

За лето моя записная книжка
похудела на три телефонных
номера.
Рыжий парнишка —
водитель «Лендровера»,
почтенная донна
и коллега по старой работе
натурально лишились плоти.

Я не обиделся на молчание
(как можно обидеться на фантом?),
а вспомнил свои обещания
перезвонить потом,
ссылки на срочное дело,
чтобы донна поменьше нудела.

Так было, пока новостная лента
не донесла,
что данные абоненты
находятся
в недоступности
класса А.

И лишь иногда день рождения чей-то
выскочит чертиком из ячейки,
красной коробочкой с бантом,
пытаясь уверить меня в обратном.

* * *

С каждым днем густеет воздух,
Раньше был он невесом.
Время, время, дай мне роздых,
Не беги бездомным псом.

Череду столбов фонарных
Лучше памятью не меть,
Не разменивай фанфары
На копилочную медь,

Не раскапывай помойку —
Нынче бедность не в чести.
Время, время, потихоньку...
Сердце, сердце, не части...

* * *

Постарел, не успев повзрослеть
И продвинуться в личностном росте.
Босоногая девочка смерть
Приглашает на партию в кости.

Во дворе выбивают ковер,
И качели скрипят, будто дроги.
Я сегодня не выйду во двор.
Я еще не доделал уроки.

* * *

Я так планирую уход:
Скамейка, стол и огород —
Редиска, патиссоны...
Я говорю: «Пока, народ!»
И по кипящей речке вброд
Иду, как будто сонный.

Но, может, будет все не так:
Футбольный матч «Зенит» — «Спартак».
Проигрывают наши.
А я кричу: «Судья мудака!»
И, как подстреленный рыбак,
Тону в молочной каше.

А вдруг без денег, без вещей
За дармовой тарелкой щей
Тащусь в трактир на «пятой»
Идохну, выгнанный взащей,
На перекрестье двух траншей,
Как на кресте распятый?

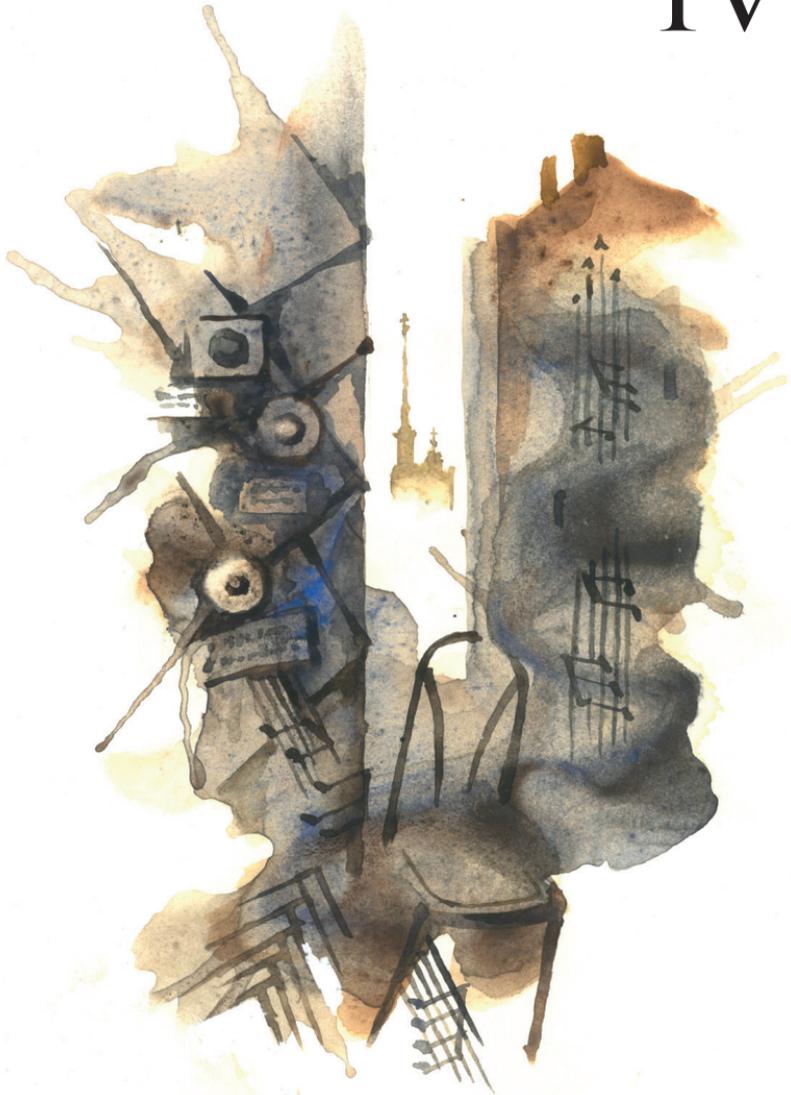
А довершая мой финал,
На небеса кроваво-ал
Ползет рассвет улиткой
И, по-мужски держа удар,
Мостят узбеки тротуар
Мемориальной плиткой.

* * *

Когда-нибудь в нелепой позе мне
Раскинуться придется по земле
И впитывать в последние мгновенья
Звучащую мелодию, зане
За ней вступают птицы и деревья,

Пока ветвями в пятнышках смолы
Покачивают старые стволы,
Разучивая утренние мантры,
Улавливать дрожание струны
И слышать, как уходят музыканты.

IV

* * *

Ленинградское лето — ведь это ошибка, описка,
Опечатка на карте сплетенных клубком изотерм!
Начинается тихо оно — с комариного писка,
С аромата сирени на Марсовом поле. Затем,

То жару нагоняя удушливым невским сирокко,
То грозой разрезая лоскутное сборище крыш,
Растворяется где-то, и снова бредешь одиноко
И пожухлой листвой, как оберткой в театре, шуршишь.

Хороший денек в Питере

Ну вот, а раньше не верили вы,
Что город мой, с виду мрачный, —
Яркий, солнечный, акварелевый!
Глазами окошек чердачных
Любуется на Исакий,
Взгляд отвести не в силах,
Хотя насмотрелся всяких...
Дремлет в родных и милых
Прозрачных Невских ладонях,
Тихо и безмятежно,
Как будто дитя в подоле.
Зеленый, дождливый, снежный,
Даже с песком и солью
Всегда остается прежним —
Необычайно нежным.

Белая ночь

Вот и дожил до белой ночи,
И бессонница в ней не мучит.
Тихо кровью в висках клокочет
Вместо боли: «Бе-са-ме-му-чо».

Выливается вечер в утро,
Как вино из кувшина в чаши.
Выпивать его поминутно —
Сумасшедшее счастье наше.

Ночи нет. Сковородка крыши,
Не остыв, раскалилась снова,
И крадутся по ней бесстыже
Ловеласы и птицеловы.

Всюду свет — ни украсть, ни спрятать,
Ни расстаться до новой встречи.
Так и плыть, словно пенки, рядом
По кипящей молочной речке.

* * *

На Клинском, в старом саду «Олимпия»,
Где бабы пьяные голосили,
Росли две яблоньки между липами.
И вдруг они заплодоносили.

Их ветви были полны невысказанно,
Усыпав сад на исходе лета,
Покрыли падалищами кислыми
Плато у платного туалета.

«А годы выдались урожайными... —
На солнце нежась, вздыхает нищий
И дарит яблочко: — Уважаемый,
Не погнушаетесь райской пищей?»

И мне подумалось: так, наверное,
Нас демон водит, забывших, где мы,
Скрывая в сквериках, пряча в скверное
Следы утраченного Эдема.

Письмо вампиру

Утром писали, ссылаясь на *Telegraph*,
Будто вы сонным Литейным летели, граф,
Жадно взирая на ржавые кровли,
Ждали поживы и жаждали крови.

Ваше сиятельство! Будет вам, полноте!
Питерец тщательно прячется в комнате,
Тихо помешанный на «Идиоте»,
И лишь бы где вы его не найдете.

Бледный, болезный, увешанный книгами,
Он не полезный ни с кешью, ни с фигами.
Властью гоним и погодой гнобим,
Он не содержит гемоглобин.

Даже рожая, над ним мама плакала,
Спешно езжайте домой, «Цепеш» Дракула!
А на Шпалерной свой промысел бросьте:
Всё удовольствие — кожа да кости...

Я ж этой ночью в поместье вампирово
Вышлю веночек, как в пьесе Вампилова,
И краше крови бутылку *Moët*.
Искренне ваш, петербургский поэт.

* * *

Плывет пирога по Фонтанке,
Тревожит чаек и пьянчуг,
А в ней спешит к Перовой Таньке
Червоннокожий Чингачгук.

Он бросит якорь, где Сенная,
Войдет в прокуренный вигвам
И, мокасины не снимая,
Склонится к Таниным ногам.

Знать, не соврал тогда в апреле,
Любви назойливо ища,
Когда под ярким солнцем прерий
Девице сердце обещал.

Он ускакал — она осталась,
Роня слезы на палас,
И к нефтяным магнатам в Даллас
Из-за него не подалась.

По возвращении в пенаты,
Терпела матушкину брань:
«Что за мужик такой пернатый?
Ну как тебе не стыдно, Тань!»

Не знала мать, варганя ужин
И взглядом меряя косым,
Что в животе у Тани ужик —
Большого Змея славный сын.

Такая уж девичья участь —
Сиди в сенях и тихо жди,
Пока в морях, цингою мучась,
Плывут индейские вожди.

Но чу! Летит от волнореза
Условный знак — совиный гук,
То скальп и сердце ирокеза
Привез в подарок Чингачгук.

Он словно вытесан из камня —
Природной силы естество.
Встречай же суженого, Таня —
Простая питерская скво!

* * *

Непонятная весна —
Ни тепла, ни холодрыги,
Ни ветрюги-забуддыги,
Ни зеленого листа.

На Подольской моросит
И снежок идет на Клинском.
Приглядишься — вроде близко,
А по лужам не дойти.

А по лужам ни до снега,
Ни до лета не дойти...

Вниз летят с небесных бус
То ли камни, то ли капли.
Ангел шепчет «крибле-крабле»
И чихает вместо «бумс!»

Заплутали мы с тобой,
Потерялись в непогоде
И стоим на переходе
Между летом и зимой.

Между летом долгожданным
И мучительной зимой...

Пришествие сирени

В моем краю, где межсезонье —
Один-единственный сезон,
Часы полуденного зноя
Есть наихудшее из зол.

Здесь солнце светит виновато,
Стыдясь за легкий перегрев,
И наподобие стигматов
Листва на теле чахлых древ.

Балтийский ветер дышит солью
С неподметенной мостовой,
И даже мысль о том крамольна,
Что он принес ее с собой.

Здесь житель ангельски смиренен,
Лелеет томики стихов
И ждет пришествия сирени,
Как отпущения грехов.

* * *

На жаре не ладит с нервами
Подгулявший господин.
Плачет кондиционерами
Домик с номером один.

Раскраснелись клерки в офисах,
Словно свёклинки в борще,
Их либидо из гипофизов
Испаряется вотще.

Домик грустно свесил кабели,
Осовелый от лесов,
В коммунальной газокамере
Душит собственных жильцов.

Кладка плавится кирпичная
И трещит, едва жива.
Вот такая атипичная
Аномальная жара.

* * *

Высушить Питер — идея порочная.
Что в нем останется? Стены барочные.
На постаментах по съездам с моста —
Восемь скелетов, четыре хвоста.

В куще фонтанов, где пышно и дорого,
Тощая кошка в руках ларинголога.
Как зубочистка, отточенный шпиль,
Сфинкс и Георгий Антонович Штиль.

«Вот уж не надо! Не вздумайте! Дудки!» —
Дружно ответят Елагины утки.
«Дудки!» — подхватит с упертостью танка
Строгая, будто спартанка, Фонтанка.

Неоднократно похищенный Пыжик
Следствию скажет, что сам из воды же,
И под воздействием адской жары
Даже у львов испарятся шары.

Приобретает особую важность
Всякая жидкость и прочая влажность —
Ею от Смольного и до Крестов
Питер пропитан процентов на сто.

И обезводить решительно некому
Город с туманами, лужами, реками,
Нитями ливней и мутью пурги.
Все-таки Питер... Не фунт кураги!

* * *

Дождики, дождики... Адмиралтейство
Свод над Невою проткнуло насквозь.
Будто не город, а мокрое место.
Небо! Скорей бы ты снова срослось!

Улицы стали каналами, реками.
Катамараном, обнявшись вдвоем,
Не тротуарами — малыми Невками
Мы вдоль фасадов дворцовых плывем.

Питерский житель — моряк поневоле,
Под парусами платков носовых
Солнышку рад и дождями доволен —
Грешное дело ворчать на своих.

Ливень

Барабанил по клавишам улиц Ван Клиберна,
По карнизам верлибром крыл крупнокалиберным,
Бригадиром пожарных прошел по мангалам
И наполнил бокалы хмельным маргиналам.

«Ливануло...» — ворчали торговки ленивые,
Попивая в ларечках наливку ли, пиво ли...
По касательной молния зыркнула косо,
Превратив пробегающих в знаки вопроса.

Впору вспомнить устройство конструкции Ноевой.
Вздвогнул дом. Под раскатами грома нутро его
Загудело, заныло, завыло от страха.
В нервном тике забились реклама Госстраха.

Дом заткнулся балконами, будто берушами.
Тротуары вскипали и пенились лужами,
Разбухала от влаги земная твердь!
А промокшие кошки чихали простуженно —
Они теряли в объеме треть.

* * *

Не город — кладбище зонтов,
Сраженных питерским артритом.
И мой погиб и не парит он
Над головой, но лишь за то,

Что долго правою рукой
Служил мне в жизни непогожей,
Не сгинет в урне, а в прихожей,
Пропахшей деревом и кожей,
Найдет заслуженный покой.

Снег

Над цепенеющей Невой
Безмолвно падал снег немой
На зимний вечер,

А души воспаряли от
Земли в бездонный небосвод
Ему навстречу.

У облаков — воздушных льдин
Соединялись в миг один,
И там кружили.

Земных лишенные оков,
И грузных тел, и липких слов —
Они живые.

Кто набирает высоту,
Ценить способен красоту
И страх паденья.

Кристаллов легкие кресты
И души, словно снег, чисты —
На загляденье.

Потом пути их разошлись.
Снежинкам вниз, а душам ввысь
Лететь на волю.

На белый камень львиных грив
Ложился снег, нетороплив,
И грел собою.

Капитан Петербург

Капитан Петербург измучен.
Небо давит на грудь свинцом.
В жестких складках речных излучин,
Как в морщинах, его лицо.

С беззаботных времен Трезини
Повидал он царей и шельм —
Опустевший и нищий Зимний,
Нуворишей тугой кошель.

Покомандовал в адмиралах,
Был разжалован в мичманá,
Искупался во флагах алых,
От которых душа черна.

Щеголял в ресторанах, банках
С проходимцами всех мастей
И на старых скрипучих санках
В Пискаревку возил детей...

Легкокрылый балтийский ветер,
Унеси вековую боль!
Не уносит. На парапете,
Как на ране открытой, соль.

Остается дождями плакать —
От бессонницы спасу нет.
По зиме беспокоит память,
А по лету мешает свет.

Не откроет всех тайн и правил,
Хоть ты юнгой на свет родись,
И на мачте центральной Ангел
Смотрит вниз, а взмывает ввысь.

Надеваю пальто на вате,
По проспектам родным бреду.
Капитан Петербург на вахте —
Охраняет свою беду.

На Арсенальной

Над мостовой повисла морось,
Какая в осень нередка,
На Арсенальной сбавлю скорость
И дам протяжных два гудка.

Найду в значке сигарету —
Не выдаст бог, свинья не съест —
И вспомню мартовскую среду,
Обычный будничные арест,

Кирпичной кладки цвет багровый,
Железный лязг дверных щеколд
И бесконечный, бестолковый
Безмерно тянущийся год.

На Арсенальной пахнет болью,
Слезой туманятся глаза.
Здесь каждый вышедший на волю
Невольно жмет на тормоза.

Во имя тех, кого не знает,
И в память тех, которых знал,
Холодный воздух разрезает
Его пронзительный сигнал.

Ленинградская элегия

В декабре зима вредна, как стронций,
И мрачна, как выгоревший лес.
Любоваться пятнами на солнце
Я иду по Малому П. С.

Грязный снег подобен каше с чем-то,
День с него сгоняет семь потов.
В сквере зябнет каменный Шевченко,
Глядя в сад, где прячется Попов.

На челе, набив утробу манной,
Примостился голубь племенной
И поэту взор его туманный
Застилает белой пеленой.

То удел бездарности — стараться
Скрыть от глаза все, что вне лекал.
Я прогнал пернатого с Тараса,
Хоть в душе ни в чем не упрекал.

* * *

Плывет в тумане улочка,
И дождик льет стеной.
Растаяла Снегурочка
На площади Сенной.

Бегущие под дождиком
Придерживают прыть,
Чтоб в лужицу с кокошником
Случайно не ступить.

V

Предчувствие войны

Пока не грянула война,
Сонливы улицы и пыльны.
В парах вчерашнего вина
На лавке спит скрипач из Вильны.

Лотки выносит зеленщик,
И лед раскалывает рыбник,
Живые плещутся лещи —
Никто пока еще не гибнет.

В киоске простыни газет
Пестрят хорошими вестями.
Полощет ветер маркизет,
Играет бантами, кистями.

Пока свистят над головой
Живые птицы в небе синем.
А птиц железных на убой
Настырно поят керосином,

Блестящих в капельках росы
Убийц непуганой эпохи.
И счет ведется на часы,
На перекуры, взгляды, вдохи...

* * *

— Город исчезнет, как яркий мираж:
Радужный клезмер, коричневый марш,
Красные ленты на жухлой траве,
Желтые — на рукаве.
Жаль, что под вечер из дома нельзя.
Взгляды отводят при встрече друзья,
Да и зачем же им лезть на рожон —
Каждый из нас прокажен.

Буду ли, мамочка, счастлива я,
Если уедем в чужие края?
Кончатся беды ли?
— Да, моя мейделе...
Милая дочка моя.

— Ходит за мной молодой офицер,
Может, имеет он дальний прицел,
Может, влюбляются так же у них.
Мама, ну чем не жених?
Он улыбнулся мне: «Магст ду музыйк?»
И показался знакомым язык.
Не пистолет и не острый кинжал —
Скрипку в руке он держал.

Буду ли, мамочка, счастлива я,
Если уедем в чужие края?
Кончатся беды ли?
— Да, моя мейделе...
Глупая дочка моя.

— Он обещал, что все будет «зер гут».
Разве влюбленные в музыку лгут?
Только покончит с проклятой войной,
Сразу вернется за мной.
Братик, пожалуйста, тише играй!
Ночью за окнами слышится лай.
Страшно наутро отправиться в путь.
Мамочка, мне не уснуть.

Буду ли, мамочка, счастлива я,
Если уедем в чужие края?
Кончатся беды ли?
— Да, моя мейделе...
Смелая дочка моя.

— Мама, я вижу, ты тоже не спишь.
Пусть нам приснится маца, или фиш,
Или пропавший безногий скрипач.
Мама, не надо, не плачь!
Детство — прощай, а дорога — шалом!
Завтра за нами придет эшелон,
И на пылающий в небе закат
Нас увезет Музыкант.

Буду ли мамочка, счастлива я,
Если уедем в чужие края?
Кончатся беды ли?
— Спи, моя мейделе...
Бедная дочка моя.

* * *

Наведайтесь на праздниках на кладбище.
Конечно же, на майских, а когда еще?
Не ждите от кого-то слова веского,
Езжайте по Седова до Еврейского.

Пошлепайте по лужам, аки посуху,
Хорошие, не нюхавшие пороху,
И посмотрите, сколько там рассеяно
Геройского народа Моисеева.

Вы сделаете правильные выводы,
Что здесь они лежат не из-за выгоды,
Что ум и сердце маменьки и папеньки
Отчизне этой отдали до капельки.

А если кто-то скажет вам, что вроде бы
Евреи рвали ниточки из Родины
И рыскали повсюду, будто клад ища,
То укажите путь ему до кладбища.

Первомай

Довольный люд не вяжет лыка,
Сияют морды кумачом.
Над головой несут Громыко,
Легко держу его плечом.

В едином слитые порыве,
Идут сантехник и сексот.
Еще границы не открыли,
Не стоит корюшка пятьсот,

Еще хохол не иностранец,
А коммунизм неотвратим,
Еще зовут на «белый танец»
И мы плясать его хотим.

Не слышно треска перестрелок
На тихих улицах столиц,
Еще сопит внутри тарелок
Немало милых, добрых лиц!

Боюсь, мы так и не узнаем,
Куда в стране полезных руд
Девали шедших вместе с Маем
Всеобщий Мир и Честный Труд.

Наша Лениниана

Он жил да был давным-давно,
Невзрачен, лыс и прост.
Носил тяжелое бревно,
Имея малый рост.

Любил задорный детский смех
И полон был идей,
Как осчастливить сразу всех
Трудящихся людей.

Ему кричали: «Это блажь!
Не сбросит мир оков!»
Он даже прятался в шалаш
От внутренних врагов.

Но пробил час, мечты сбылись —
Восстал рабочий класс,
И он, невзрачен, прост и лыс,
Хитро прищурил глаз.

С тех пор прошло немало лет,
Отложено солей,
Герой кремлевский кабинет
Сменил на Мавзолей.

Теперь спокойно на душе
И людям все равно,
Кто замерзает в шалаше,
А кто несет бревно.

* * *

Фарисейка Варвара Эрнестовна
Вспоминает советскую власть:
Как все было светло и естественно,
Как трудилось и грезилось всласть,
Как рыдала за школьною партою
От сочувствия к древним рабам,
Как шагала от знамени пятая
И несла на себе барабан.

Как связала судьбу с пионерией,
Обличала врагов и воруя,
И за дело о взбухшей фанере ей
Подарили путевку на юг,
Как правленье поленья подкинуло
И медку из колхоза «Ручьи» —
Под портретом товарища Кирова
До рассвета пекла куличи.

Как во двор выходила с обновами —
Пара туфелек, платье, платок,
И смотрели соседки коровами,
Будто каждый жуя лоскуток.
А сейчас все не так. Все неправильно.
Дорога́ и отвратна еда.
И трясется с досады Варварина
Голова, словно вата, седа.

Ой вы годы, как соколы Сталина,
Не летите с родных куличей!
Все сегодня не так, все неправильно,
И противно порядку вещей.

* * *

В край небоскребов и развалин,
Как по толченому стеклу,
Плывет по морю рыба-сталин
И мечет черную икру.

Как толстый сом, она усата
И, словно камбала, жирна.
Когда я был в гостях у свата,
Таковую жарила жена.

А эта — гордая царица
Водохранилища всего —
Мечтает перевоплотиться
В однофамильца своего,

Стоять, попыхивая трубкой,
Сама забрасывать крючки.
Она плывет на запах трупный,
И вдаль глядят ее зрачки.

* * *

Полно бредить воздушными замками,
Лебедиными плыть озерами.
Землю меряют автозаками
С пассажирами-фантазерами.

По ухабам просторов северных
Едут, едут утята гадкие,
На посулы поблажек временных,
Как дитя на конфеты, падкие.

Это стало обычной практикой —
Бить по шее поднявшим голову,
Наблюдая, как из солдатиков
По асфальту струится олово.

Сколько нужно таких вот выкосить
И в ряды положить под ивами,
Чтоб у Родины строгой выпросить
Разрешение быть наивными?

Слово

Представь, что ты знаешь заветное слово.
Захлопнулись двери, закрылись засовы,
И сгрудились люди (их лица суровы),
И требуют слово настырно, весомо.

А слово — нелепица, буквенный шифр.
Ничем не измеришь ни вглубь и ни вширь,
Но ты им не скажешь его потому,
Что сердце твое неподвластно уму.

Ты, может, и трус, и подонок, приятель,
Но ты не предатель,
О нет, не предатель!

А если в глаза засветили бы лампы,
За потной спиной загремели бы залпы,
Тогда ты сказал бы?

Когда без тепла, без воды и без хлеба
В плену пропадал бы никчемно, нелепо
И жизни сгнивала бы лучшая часть,
Тогда ты, наверно, не стал бы молчать?

А если вот так:
Все друзья (те, что были)
Ушли, отвернулись, по-тихому слили,
И понял бы ты, что остался один,
Тогда бы уж точно сознался поди!

Так где та черта, тот предел, за которым
Ломается воля посулом, измором
И тихо слетают с разохшихся губ в
Морозное марево несколько букв

За счастье вернуться к знакомым эрзацам?
По жизни никто не катается зайцем —
За все полагается твердая мзда.
Такая она дорогая езда.

* * *

Он всё ходит и курит,
Курит и говорит:
«Ты же вроде не дурень,
Если взглянуть на вид.

Лишь одну только фразу:
“Тот-то кричал долой” —
Ты напишешь и сразу
Можешь бежать домой.

Ведь ничтожная плата,
Сущие ведь гроши.
Ниже подпись и дата.
В общем, сиди пиши!»

Струйка серого дыма
Снова пронзает ночь.
«Мы ведь знаем, что Дима,
Просто хотим помочь.

Если сами поймаем
Этот кусок дерьма,
У тебя вслед за маем
Может настать зима.

Не отмазывай гада.
Он же тебе не бро!
Ниже подпись и дата.
Можешь успеть в метро.

Ты же молод и розов,
Все у тебя путем,
А пойдешь паровозом,
Мы ведь с путей сметем.

Мать, поди, потеряла,
В морги звонит отец.
У меня матерьяла
Столько, что всем капец,

Чтобы вашего брата
Выжать, согнуть дугой.
Имя, подпись и дата.
Живо! И дуй домой...»

Солнце над оперчастью
Светится, как блесна,
И ложится печатью
На белизну листа.

* * *

Слабый, больной, никчемный,
Яркой звезде вослед
Падает ангел черный
Камнем на белый снег.

Страшной своей виною,
Словно петель, влеком,
В небо совсем иное
Падает кувырком.

Пепельный пух над крышей —
Как из трубы дымок.
Ангел лежит и слышит
Ругань и топот ног.

Стонет и, замерзая,
Кутается в крыло...
Спросишь, откуда знаю?
Я повстречал его.

В грязной пивной на Клинском
Мы пропивали нимб,
В портер вливали виски
И говорили с ним

Об арестантской доле,
Неправоте суда.
Разве по доброй воле
Мы бы пришли сюда?

* * *

Упавшие летчики становятся моряками,
Растолстевшие всадники — пехотинцами.
Их в атаку приходится гнать пинками,
Неуклюжих, с одутловатыми лицами.

Воры на пенсии становятся сторожами.
Вскрывают сейфы консервных банок
Теми же вечно тупыми ножами,
Которыми раньше пугали гражданок.

Мундиры на пуговицах золотистых
С годами охотно становятся ватниками,
И прирастает армия моралистов
Исключительно пожилыми развратниками.

Ежедневно прожевывая рутину, вы не
Замечаете, как из настоящих кожаных
Постепенно становитесь дерматиновыми,
Думая, что так, наверно, положено.

* * *

Я — гражданин советского разлива.
Годами жду повестки боязливо.
Теплу и ласке солнечных лучей
Предпочитаю лампу в сто свечей.

Я научился жить почти бесследно —
Зимой ходить, не приминая снега,
И время мерить в литрах и кило.
Откроют дверь — а дома никого.

* * *

Кто раньше был всегда готов,
На все готов уже.
Отправлюсь клянчить у кротов
Местечко в блиндаже.

Убавлю рост, умерю прыть,
Сумею ползать вспять.
Я до обеда буду рыть,
А вечером копать.

И вот однажды поутру,
Узнав, что я ослеп,
Кроты возьмут меня в нору,
Похожую на склеп.

Там, в зоне вечной темноты,
Закрывшись на засов,
Лежат бесстрашные кроты
И не боятся сов.

* * *

Я не вырос нисколечко. Мама, прости!
В этом мире рискованно сильно расти.
Сложит нас пополам перегиб на местах,
И останутся нам только зависть и страх.
Страх, который впитался с твоим молоком.
Слышу звон тут и там, но не знаю по ком.
Вырастание — это лишь травма кости.
Я за лето не вырасту. Мама, прости!

VI

Аркадия Львовна

Граббе Аркадия Львовна
Укрощала бы запросто львов на
Главной арене цирка,
Если б не кухня и стирка.

Аркадия Львовна Граббе
Могла бы командовать в штабе,
И там среди ВВС
Она бы имела вес.

Скажу вам не шутки ради я,
Уехать могла бы Аркадия,
Да муж ее не готов
Покинуть родимый Львов.

«Не ступим на те же грабли,
Что Лев Соломоныч Граббе!
Америка Львову не ровня!» —
Твердит он Аркадии Львовне.

Аркадия Львовна Граббе
Много чего могла б. Э-э-э...

* * *

Про бабу Ньюру болтали всякое,
А баба Ньюра, мешками звякая,
Несла бутылки в кривой домишко.
Соседки вслед ей бубнили: «Ишь как!
Живет — жирует на всем готовом,
Посмотрит — будто сожжет нутро вам.
Вчера тащила ведро пустое —
На щи картоху ворует с поля.
В войну бесстыдно легла под немца,
И старший сын от солдата Ленца,
А дочь, которая пела в клубе,
Та от фельдфебеля Отто Кубе.
Он ей дарил золотые зубы.
А говорила, что от Кацубы...»

Но баба Ньюра пила и молча
Переносила хулу и порчу.
И как-то утром, взлетев над бездной,
Ушла старуха в запой небесный.
Послали «молнии» дочке с сыном —
Ему в Опочку, а ей в Касимов.
Примчались дети в родную избу
И под портретом, где Борман-Визбор,
За ржавой плашкой, дубовой рейкой
Нашли пропавшие зубы рейха.

Секретик

Недалеко от речки Тосны,
В краю оставленных старух,
Сносили дом, валили сосны
И мир ломали в прах и пух.

Бензопила вонзалась в утро,
Разор хозяйничал в избе,
Грозой встревоженная утварь
Металась по полу везде.

Салфеток вязаных узоры,
Обрывки старых «Огоньков»
И голубые «Кругозоры»
Покрыли простенький альков.

Глухая бабка Валентина,
Совы разбуженной совей,
Глядела буднично, рутинно
На гибель родины своей.

«Ко внучке нынче я поеду», —
Врала соседу на меже.
Трещали стены, и к обеду
Все было кончено уже.

Бульдозерист присел на ящик,
Расставил тару на траве
И вдруг увидел из стекляшек
Прилежно сложенное «Вэ».

Секретик — детская забава,
Забывтый кем-то лет с полста,
Сверкал на солнце небывало
Из-под ракитова куста.

Ворчала внучка: «Время — деньги!
Ну что глазеть? Пора домой!»
И по пути до богадельни
Шептала Валька: «Это мой...»

Лизавета молчит

Дышала Гертруда
Петровна
к школьной подруге
равно,
звонила где-то раз в месяц
поведать о том, что бесит.

Продукты Гертруде
дóроги:
— Купила штрудель
на твороге,
попробовала — горчит.
А Лизавета молчит.

— В бане Кирилл
курил.
Нет моих больше сил!
Жалуется на печень,
сам что попало мечет,
и в животе урчит.
А Лизавета молчит.

— В бильярдной
бывалые ляввы.
Стерли козлы окуляры
о наливные мячи-т(о)!
А Лизавета молчит.

— Киря
за Киев,
а Стас
за Донбасс.
Как даст
ему киём
в глаз.
Треснул Варшавский щит!
А Лизавета молчит.

— Потом поехали к Вале.
Конечно же, поддавали.
Врали,
что Валя подшил!
А Лизавета молчит.

— Ну как с таким жить, Лизавет?
Вруном.
Греховодником.
Пьяницей!
А Лизавета в ответ:
— У меня и такого нет.
Гриха родненький
помер
в пятницу...

В трубке горят гудки.
Будто бы за грудки,
хватают они Гертруду.
Думает:
«Больше не буду», —
и удаляет номер.

* * *

Чует Сережа, что не жилец.
Еле протягивает ручищи,
Хочет побриться тройной *Gillette* —
Бритвой, которая бреет чище.

Теща сказала ему: «Не вой,
Знаешь, Сережа, сейчас негоже.
Лучше пошкрябай тупой «Невой»
Серые кляксы на желтой коже.

Выглядишь правда нехорошо,
Видно, пора заказать молитву,
Время желаний давно прошло...
Что же ты хочешь, Сережа?!» —
«Бритву...» —

Выдохнув просьбу последних благ,
Замер. Пока пребывал в отключке,
Прыская сладкой слюной в кулак,
Бритву из тумбы украли внучки.

Бреют на кухне они кота,
Преобразуя ангору в сфинкса,
Шерсть улетает, и никогда
В нитку упругую ей не свиться.

Федорино горе

В разгаре шального лета
Девятого термидора
Ножами от винегрета
Распята была Федора.

Слепые глаза старухи
Потупились виновато,
Держали ее за руки
Четыре стальных ухвата.

Трубили победу рюмки
И в браге купались чашки,
На тряпки делились юбки,
И рвались на флаг рубашки.

Топор говорил опоркам:
«Не кровь на полу, а свекла».
Глядели соседи в окна,
Дышал самовар на стекла.

Когда же нутро комода
Гроза сотрясла под утро,
У кухонного народа
Похмелье пропало будто.

Бежали ножи отсюда,
Салфетки сбивались в стайки,
От страха суда посуда
Металась вокруг хозяйки.

Вливали настой женьшеня
Стаканы Федоре в ноздри,
Надеясь на воскрешенье,
Но все оказалось поздно.

Блюз

Это жесткая осень —
Будто ржаной сухарь.
Джон копыта отбросил,
Ты же о нем слышал.

Был он стар и несносен,
Грязно бранил жену.
В эту жесткую осень
Маза пошла ему.

Околела старуха,
Видимо, от тоски.
Этой осенью сухо
И не гудят виски.

Навалилась свобода —
Знай наливай да пей!
А он молится Богу,
Просит: «Меня добей».

«Ну и где тебя носит?» —
Стонет в густой туман.
В эту жесткую осень
Просто сойти с ума.

На кокосовом тресе,
Взятом на днях взаймы,
Зацепиться за осень,
Спрятаться от зимы.

* * *

Над Стокгольмом сгущаются сумерки,
Смолкают птицы и экскурсанты.
Свантесоны умерли.
Остался один Сванте.

Старый Сванте Свантесон
Лезет на крышу с вантузом,
Который среди равных прочих
Напоминает ему колокольчик.

Говорила дикторша Би-би-си,
Что из-за ошибки ИЛСа
Друг не выпустил оба шасси
И при посадке разбился.

Новости постоянно врут,
Не стоят ломаного зре.
Выключил радио. Вот и тут
Сванте дикторше не поверил.

Вверх!
Первый, второй, четвертый...
Сванте наткнулся на что-то твердое,
Нос расквасил себе до юшки.
Старуха жива и готовит плюшки

И будет готовить в аду.
Она приглашает Сванте,
Он кивает в ответ: «Приду,
старая дура!»
Она смеется: «А сам-то?»

Сванте совсем седой.
Пятый, шестой, седьмой...

Садится на лестничной клетке.
Забыл, зачем и куда.
Над ним потешались детки:
«Сванте —
ватная голова!
Сванте — старый чудака!»
Но это всего однажды.
Вспомнил важное!
Восьмой, девятый,
чердак...

Сколько счастливых дней
Пролетели, секунды будто.
Прошлое с крыши видней,
А настоящее мутно.

Встает на краешек, смотрит вниз.
Горят мигалки, гудит сирена.
Тянется стариковский каприз
До появления Свена.

Пожарная рация вздрогнула зуммером:
«Отбой, центральная, ложный вызов.
Опять старый Сванте на крышу вылез.
Нет, пока что не умер он».

Широкоплечий трудяга Свен
Берет старика на руки
И, словно младенца с горящих стен,
Несет до пожарной люльки.

Тихо шепчет он Сванте: «Привет, Малыш!
Зачем же ты убежал на крышу?
Отчего в колокольчик не позвонишь?
Я не глухой, я тебя услышу».

Старик вострепнулся
от вечных льдин,
Окинул Свена разумным взглядом,
Потряс колокольчиком: «Динь-динь-динь!»
Карлсон вернулся!
Он жив.
Он рядом.

Богиня

На станцию подземки
Спускается богиня,
А парень пялит зенки
И подбивает клинья.

Растили атеистом
Его семья и школа,
А девушка повисла,
Едва касаясь пола.

В ушах потертый плеер
Наигрывает Брамса.
Богам в метро теплее,
Чем в небе ленинградском.

Колесный лязг и гомон —
Элегия в металле,
На сквозняке вагонном
Крыла затрепетали.

А сонные миряне
В сумятице вечерней,
Увидев над кудрями
Волшебное свечение,

Решили, будто святость
Вульгарна и притворна.
Богиня засмеялась
И вышла на платформу.

Пьеро

Это правило старо,
Твердо и необратимо:
Любят девочки Пьеро,
А уходят к Буратино.

У смешного дурака
Длинный нос острее кинжала,
Но тряпичная рука
Никого не удержала.

Вместо звяканья монет
Звуки музыки волшебной.
У Пьеро харизмы нет,
Не брутальный совершенно.

Литератор и артист,
С виду вылитый Вертинский,
Он на ощупь шелковист —
Подходи, бери и тискай!

Так на свете повелось,
Что судьба над ним хохочет,
И от слез промок насквозь
Белоснежный балахончик.

А девчонок тянет в грязь
К тем, кто груб и неотесан,
И Пьеро в который раз
Суждено остаться с носом.

* * *

Катился себе по листьям,
Удачу за хвост волок.
Далёко поляна лисья —
Не ешь меня, серый волк!

Сушила уста усталость,
Кустарник кусал бока.
Всего-то пути осталось...
Не ешь, потерпи пока.

Терпимость теперь уместней,
Чем твой плотоядный вой.
Качусь за последней песней,
А вроде бы мог домой

Наведаться к бабе с дедом
На старческую слезу,
Дремать на печи без дела,
Бояться во сне лису.

Да разве затем печён я?
Не здесь ли моя стезя?
Пусть юмор у сказки черный,
Назад повернуть нельзя.

Честней и бескомпромиссной
Петь песни, пока не смолк.
Судьба моя в пасти лисьей —
Не ешь меня, серый волк.

Русалочка

Однажды, гуляя в дремучей глуши,
Достал я русалку из речки рукой.
Мой друг Николай предложил мне: «Глуши!»
А я Николаю ответил: «На кой?»

Я сладостно вперился в розовый бюст,
А друг плотоядно рассматривал хвост.
Мне Коля презрительно бросил: «Ты хлюст!»
А я Николаю ответил: «Ты прост».

Как только отвлекся я на чепуху,
Хватил мой напарник русалку об ель...
Мы знатную ели в тот вечер уху
И Коля сказал: «Угощайся, кобель!»

Йети

Зашел я как-то в местный ЖЭК
Поговорить о свете.
Вдруг вижу — снежный человек,
В простонародье — Йети.

Лежит на лавке во дворе,
Мохнат от глаз до пяток,
И рожи корчит детворе —
До слез смешит ребяток.

Вбежал в контору, чуть дыша,
Дрожали нервно веки:
«Вы что ж, не знали ни шиша
О снежном человеке?!

Вон он гуляет среди вас,
Не дожидаясь ночи!»
«Да это Жора-верхолаз! —
Сказал водопроводчик. —

Его на свалке я нашел,
Где был китайский рынок.
Питался он нехорошо,
Замерз и сильно вымок.

И чтоб не сцапали менты,
Забрал его с собою.
Он не боится высоты,
Не бредит с перепоею.

Дурных привычек вовсе нет,
Работает, как лошадь.
Ему мы выдали жилет
И выбили жилплощадь.

Умнеет, черт, день ото дня,
Привык к порядкам новым.
Его в бригаде в честь меня
Назвали Ивановым.

По стенкам шпарит — будь здоров!
Попробуйте, поймите.
Такой он, Жора Иванов,
Тибетский гастарбайтер!»

И уходя к себе домой,
Я вновь взглянул на Йети.
Он выл о чем-то сам с собой
В оранжевом жилете.

Лягухи

Серое утро: цапли, болото, гать...
Хлюпают боты и предвещают грипп.
Встретишь лягуху — в душу ее не гадь,
А подари-ка лучше съедобный гриб.

Что тебе, жалко? Тут же их пруд пруди!
Пусть хоть на миг лягуху оставит грусть.
Слышишь, как бьется сердце в ее груди?
Видишь, как лапки нежно сжимают груздь?

Это все сказки, будто по следу стрел
Кочками скачут принцы, невест ища.
Даже Иван-дурак, уж на что пострел,
Лук не берет из принципа — есть праща.

Ночью лягухи прячутся глубже в ил,
Снятся кошмары (Боже, какая муть!) —
Принцы губами тянутся к ним, живым,
Чтобы, солому в мыло макая, дуть.

Сядут лягухи утром среди осок
Пучить глаза на цапель, болото, гать...
Вышли б из них Прекрасные — самый сок,
Да не дают Премудрые целовать!

* * *

На рыбьих свиданиях тихо.
Ни слова о пылкой любви
Не слышит озерная тина,
Не слышат в морях корабли.

Не слышно кувшинке, поникшей
К прибрежной полоске песка,
Как шепчет о нежности пикша,
В любви признается треска.

Не знает семейство растений,
Роняющих в реку росу,
О страсти вождя нототений
К одной молодой путассу.

Так бережно, трепетно, втайне
Все чувства хранятся у рыб.
Об этом поведал минтай мне.
А люди, как рыбы, смогли б?

* * *

В лавчонку разных мелочей
Над пропастью во ржи
Заходит еж незнамо чей
И просит паранджи.

Хозяин лавки поражен,
Стоит, разинув рот,
А еж ему со списком жен
Бумажку подает.

«Я снял размеры с их пижам, —
Рассказывает еж, —
Но, может статься, ты ежам
Товар не продаешь?»

Мотает лавочник башкой:
«Я вовсе не ханжа!
Но не могу понять, на кой
Ежихе паранджа?»

Вздыхает еж: «Я стар уже,
Мне около семи,
И должен быть настороже
В кругу большой семьи.

Не спрятать жен от глаз чужих,
Не запретить на ключ.
Уж я-то знаю, жизнь прожив,
Как мир к ежам колюч!»

* * *

Выкопаю пугало,
Посажу за стол,
Настругаю руколу,
Разолью рассол,
Чтоб оно подумало
Хоть на пять минут:
Вот сидят два пугала,
Вот едят и пьют.

VII

* * *

Что находилось во чреве кита?
Шпроты, сардины, кусочек винта,
Горстка пиастров (флоринов на сто),
Ласты и паспорт на имя Кусто,
Тятя, и дети, и сети в придачу,
Чача (ну как в океане без чачи!)
Краденый катер, пустой батискаф,
Кладоискатель, уставший, искав
Амфоры в длинных подводных траншеях,
Автор неизданный с камнем на шее,
Столик, скамейки, немного старух,
Томик Сенеки, кино Говорух...
И на окраине в самом хвосте
Маска Кусто на косматом кусте.
Славно и вольно во чреве жилось,
Жаль, что Ионы нигде не нашлось.

Невод

Если намерен в море забросить невод,
То непременно должен быть веский повод.
Неодолимый и повседневный гнев от
Вздорной старухи или же сильный голод.

Сети нужды тесны и крепки объятья.
Время сулило горы — намыло мели.
Взрослые дети с криками «тятя, тятя!»
Тянут остатки меда на карамели.

Ловля удачи — это особый навык.
Часто, бывало, слышалось мне среди ночи:
«Что тебе, старче, надо для счастья? На вот
Хлеба да сала, ши да творожный сочень».

Я ошалело пицу сгребал в охапку —
Старая притча нас ничему не учит —
Шел нуворишем в нашу родную хатку,
А просыпался нищим в песке зыбучем.

Даже казалось, будто я кем-то проклят,
Шельфом бесплодным за шельмовство помечен,
Но, озирая волны в бельмо бинокля,
Взваливал невод снова себе на плечи,

И возвратив на берег порожним дважды,
Дыры латал в надежде на верный третий,
И ожидал улова, дрожа от жажды,
И задыхался в облаке междометий.

Из варяг в греки

Сколь ни плыви из варяг в пресловутые греки,
Всюду кусачие раки, глубокие реки.
По берегам буераки, а в них бандерлоги,
И берега не сказал бы, что очень пологи.

Сциллы везде поджидают и с ними харибды.
Что же не молишься Богу? Похоже, охрип ты.
Слезы текут по щекам, и смыкаются веки —
Так человек из варяг превращается в греки.

Если тебе по пути не изменит отвага,
Ты одолеешь дорогу, как доктор Живаго.
От перепада погоды немного сопливый
Выйдешь на берег и сладко уснешь под оливой.

В прошлое канут морские твои передряги —
Раки кусачие, сциллы, харибды, варяги.
А на рассвете наивны, как чуки и геки,
В танце сиртаки появятся чудные греки.

Ешь ананасы и рябчиков кушай от пуза,
Звукам бузуки внимай за бутылочкой узо,
Лето пройдет, и, подобно побитой дворняге,
Снова из грек поплетешься обратно в варяги.

* * *

Переводи старух через дорогу.
Не для вердикта Страшного суда,
Не в раболепной робости пред Богом
Переводи старух туда-сюда.

Взяв на себя тяжелый груз авосек,
Стрелой вонзайся в транспортный поток.
Пусть они об этом и не просят,
Переводи за тонкий локоток.

Старух гнетет земное притяженье,
Прогноз погоды, думы о былом.
Одна отрада — вечное движенье
Через дорогу в дальний гастроном.

Стань маяком в тумане едкой гари,
Среди таксистов, вжатых в тормоза,
Чтоб вспоминать, как благостно моргали
Тебе вослед старушечьи глаза.

Наград не жди: ни места в райских кущах,
Ни отпущенья сладостных грехов.
Переводи их. Больше, дальше, лучше...
Непринужденно, бережно, легко!

* * *

Скрипят в парадной петли ржавые.
Противно, но непродолжительно.
Сидят старушки моложавые.
Я им киваю уважительно.

Сосед попрыгал между лужами
Неимоверными саженьями.
Спешит на службе он до ужина
Своим упиться положением.

А мне спешить сегодня незачем —
Мне безработно и безнравственно.
Звенит в кармане горстка мелочи
На заготовку трав лекарственных.

Пойду пройдуся по переулочку
Да загляну погреться в чайную,
И по ушам какой-то дурочке
Проедусь рифмами печальными.

Она захлопает ресницами,
Пытаясь тушь спасти французскую,
А я проворною десницею
Возьму ее за юбку узкую.

И засыпая поздно вечером,
В хлам напоив свою бессонницу,
Я сочиню немного вечного
И гениального, как водится.

* * *

Куда, умерев, попадает поэт?
Хороший-то в рай, а неважный-то нет.

А если неважный был скромен в быту?
А если он схватывал все на лету?
Тимуровцем был в молодые года?
То в рай или в ад? Непонятно куда.

А если хороший прослыл хулиганом
И пал в пьяной драке, то, значит, в Валгаллу?
А если неважный на смертном одре
Молитву придумал? Одну или две...

А если хорошего встретил неважный
И стал благородней, умней и отважней,
Но умер, к жене не вернувшись назад?
Тогда он с хорошим. Но в рай или в ад?

А если неважного встретил хороший
И критикой резкой его огорошил,
Да так, что беднягу угробил инфаркт?
Тогда оба в ад? Совершенно не факт!

А если неважный, истертый, как ластик,
На самом-то деле непризнанный классик,
А тот, кто хороший, бездарен и плох?
Не в этом ли кроется главный подвох?!

Нюансов полно, а конкретики нет,
Куда, умерев, попадает поэт.

* * *

Вижу, из дома уходит Толстой.
Крикнул я было: «Куда ты? Постой!
Там, за забором, в мирской суете
Люди встречаются больше не те.

В Бога не верят, воруют и врут,
И не оценят, насколько ты крут,
И не посмотрят, что стар, бородат.
Каждый второй там изрядно поддат.

Что им война, а тем более мир?
Деньги — их самый надежный кумир.
Ты, уповая на власть доброты,
Там пропадешь. Воротился бы ты...»

В горле застыл мой простуженный крик.
С горки спускался великий старик.
Без багажа и, конечно, босой.
Рядышком смерть семенила с косой.

Сила языка

Доктор выпил девятую, с остерве-
нением крикнул и отправился в лес.

А. П. Чехов

Я в детстве был охоч до книг —
С горшка читать привык их,
Но тайны так и не постиг,
Что значит «крикнул», выпив?

Ведь был бы селезень какой,
Кочующий по ряскам,
А то классический герой
В своем гнезде дворянском!

Что за дикарский ритуал —
Горланить, словно птица?
Нельзя ли просто взять бокал,
Наполнить и напиться?

Прошло с тех пор немало лет
И за бутылкой виски
Я начал крикать рюмке вслед
Под утку по-пекински.

Теперь нелепая строка
Звучит свежо и ново.
И в этом сила языка
Могучего, родного!

Булки

Как вы прекрасны, булки городские!
Как эротичен вычурный надрез!
Вы так по духу сдобному близки мне
И так желанны. С маслом или без.

И золотистой корочкой снаружи,
И белоснежным мякишем внутри
Я ослеплен. Скорее, булки, ну же!
В мои объятия прыгайте с витрин!

Я вас осыплю жемчугом икорки.
И лососиной алой, словно мак,
Вас устелю от корки и до корки.
Сначала так. А после и вот так.

Лицом зареюсь в сладостное лоно
И надкушу податливую плоть.
И покачусь по плоскости наклонной
На кухню кофе яростно молоть,

Чтоб раствориться в тонких ароматах,
Сбежать из плена будничных проблем,
Подобно шейху в знойных Эмиратах,
Всю ночь лелеять булочный гарем.

Ко мне навстречу вышла продавщица.
Как моряку бордельная мадам,
Она шепнула: «Хочешь приобщиться?
Бери любую, дешево отдам!»

В ее ушах поблескивали стразы —
Фальшивый плод неискренней любви.
Как я был слеп, когда не понял сразу,
Что вы продажны, булочки мои!

* * *

Под каблуком опавший желудь,
По швам трещит его броня.
Но желудей здесь не должно быть,
Как не должно быть и меня.
Мы оба странники юдоли —
Я острый меч, он хрупкий щит,
И потому согласно роли
Я наступаю, он трещит.
А после перевоплощенья
Ударит колокол по ком?
Меня, должно быть, как печенье,
Раздавит желудь каблуком.

* * *

Я уверен, что загодя все решено:
Где кончаются дни, отчего и когда.
Человек представляет собой решето,
Для которого жизнь — это просто вода.

Хоть ступай осторожно, хоть пулей лети,
Пробиваются капли сквозь мелкую сеть,
И ручьями стекают они по пути,
Так стремительно льются, что больно смотреть.

Сосчитать не составит большого труда
Расстояние, если в задачке дано,
Сколько места сперва занимала вода
И диаметр дырок, усеявших дно.

А пришедшим за нами на солнечный свет
Решето наливается вновь до краев.
Это значит, конца у истории нет,
Да и смысла особого нет у нее.

Снилось мне

Падало солнце в пену еловых лап,
Тени тянулись и доедали день.
Снилось мне, будто я становлюсь крылат
И улетаю в сторону от людей.

Серой совой во сне я спую в лесу
В шелесте листьев вместо шуршанья шин.
Поиски истин счастья не принесут,
Поиски счастья — дело не для мужчин.

Снился под утро вереска резкий треск,
Стрекот цикад свинцовых и свист силков.
Стоном наполнен сонный пугливый лес,
Кровью покрыто поле из васильков.

Алчные люди не выпускают птиц,
Вьючат добычу тучную по бокам.
Крыльев не в силах птицам они простить
И безобразной близости к облакам.

Солнце восстало снова в раю лесном,
Не согревая неба стальную синь.
Снилось мне, будто жизнь оказалась сном,
Но просыпаться не оставалось сил.

* * *

Зашей мне, пожалуйста, сердце,
Царевич-сапожник-портной,
А после, как сделаешь дельце,
На радостях выпей со мной.

Заштопывай ниткой суровой,
Чтоб резала край до крови
А утром, поздравив с обновой,
Со мной по одной пригуби.

Работой своей полюбуйся.
Послушай, как ровно стучит,
И шов, будто алые бусы,
Из рваного сердца торчит.

Я выпил бы снова с тобой, но
Пора уходить на покой.
Теперь помирать мне не больно,
Царевич-сапожник-портной...

Вороненок

Ночью сквозь морок бессонный
И какофонию капель
Вдруг мне почудилось, словно
Кто-то под окнами плачет,
Тихо, едва различимо
Слышится: «Мамочка, мама!»

Сердце, от страха немея,
Билось на слабую долю.
В шлепанцах вниз по ступеням
Прыгал, хватая руками
Тьму, и в траве под березой
Я увидал вороненка.

В бусинках глаз его черных
Плыли полынные слезы,
Клюв беспорядочно щелкал,
Горло дрожало нелепо,
Каркать еще не умея,
Слово оно выводило,

Точно дитя человечье,
Сызмальства чуждое речи,
Часто бормочет, лепечет,
Произнося ненароком
На умиление нянькам
Звуки животного мира.

Если бы в сумрачной роще
Вдруг очутился ребенок,
То неужели бы ночью,
Тоненький голос услышав,
Не встрепенулась бы птица,
И не укрыла крылами,

И не звала упоенно
Мать, потерявшую разум?
Так я сидел с вороненком,
Кутал несчастного пледом,
Плакал и что было силы
Каркал в осеннюю морось.

* * *

Покуда осень делает сюрпляс,
Сиди тихонько и не шевелясь,
Естественный баланс не нарушая.
Пускай на ветке дремлет жухлый лист,
Когда другие в землю улеглись
И песню под ногами отшуршали.

Еще денек — ему настанет срок,
И прогремит зимы тяжелый рок,
Немое равновесие развеяв.
И ты его, беднягу, не буди,
Пока снега не крутят бигуди
На лысинах растерянных деревьев.

Цыплята

Прошу за пальцы не цеплять,
Не убегать, держаться строя.
Веду гулять своих цыплят
Во двор, охваченный весною.

Когда оттаяла внутри
Душа и выкупалась в лужах,
Я их считаю: раз, два, три...
Таких смешных и неуклюжих,

Не превращенных в «табака»,
Не задохнувшихся в духовке,
А остающихся пока
В родной пушистой упаковке.

Как тяжела была зима
Для них в плену холодной клетки.
«Чудак, ты выжил из ума!» —
Меня напутствуют соседки.

Они твердят: «Не гоношись.
Дождись осеннего итога!»
Но я-то знаю, лето — жизнь,
А осень — дальняя дорога...

Содержание

I

«Мне в детстве снились провода...»	5
Точильщик	6
«Куда все девалось, скажите на милость?...»	7
Молочный зуб	8
«Что рассказать вам, избалованным...»	10
Фокус	11
Петушок на палочке	13
Память прошлого	15
«Катал девчонку на руле...»	16
«Завершается виток...»	17
Чуня	18
1. 2. 3. 4. 5. Вышел зайчик...	20
«Он бегал с копьём по даче...»	22
Из Мести	23
Дедушкин совет	24
«Память — жилетка на тыщу кармашков...»	25
«Я принял бы беспамятство...»	26
«Папа, скажи мне, что будет, когда...»	27
Не умирайте	28
Яблочное стаккато	30

II

Адам	33
Вечное движение	34
«Шуршал запиленный винил...»	35

«А ничего бы не было...»	37
«Мы теламирослись...»	38
Шрамы	39
Однотрубный	40
За мгновение до	41
«У ротации встреч и прощаний...»	43
Кукла Вуду	44
«По бульвару трамваи бегут, звеня...»	45
Синяя борода	47
Растительная жизнь	49
Про ревность	50
«Мне Молодость наставила рога...»	52
Знакомство	53
«Запоминай меня таким...»	55
Она	56
«Как выясняется, время не лечит...»	57
Молитва	58

III

«Сейчас я понимаю, что стезя...»	61
«Мы привыкли делить этот мир на двоих...»	62
Враг	64
«Когда жевали мы гудрон...»	66
«“Похожа ночь на мусорный мешок”...»	67
Очки	69
«Не трое в лодке — двое в кедах...»	71
Грешник	72
«Когда бы не был мил я небу...»	73
«Батя!»	74

«Попросил я друга Левку...»	.75
«Мне кажется, что-то упущено...»	.76
«На платформе ветрено...»	.77
«Позабыли друзья. Прекратились звонки...»	.79
«За лето моя записная книжка...»	.80
«С каждым днем густеет воздух...»	.81
«Постарел, не успев повзрослеть...»	.82
«Я так планирую уход...»	.83
«Когда-нибудь в нелепой позе мне...»	.84

IV

«Ленинградское лето — ведь это ошибка, описка...»	87
Хороший денек в Питере	.88
Белая ночь	.89
«На Клинском, в старом саду “Олимпия”...»	.90
Письмо вампиру	.91
«Плывет пирога по Фонтанке...»	.92
«Непонятная весна...»	.94
Пришествие сирени	.95
«На жаре не ладит с нервами...»	.96
«Высушить Питер — идея порочная...»	.97
«Дождики, дождики... Адмиралтейство...»	.98
Ливень	.99
«Не город — кладбище зонтов...»	100
Снег	101
Капитан Петербург	102
На Арсенальной	104
Ленинградская элегия	105
«Плывет в тумане улочка...»	106

V

Предчувствие войны	109
«— Город исчезнет, как яркий мираж...»	110
«Наведайтесь на праздниках на кладбище...»	112
Первомай	113
Наша Лениниана	114
«Фарисейка Варвара Эрнестовна...»	116
«В край небоскребов и развалин...»	118
«Полно бредить воздушными замками...»	119
Слово	120
«Он всё ходит и курит...»	122
«Слабый, больной, никчемный...»	124
«Упавшие летчики становятся моряками...»	125
«Я — гражданин советского разлива...»	126
«Кто раньше был всегда готов...»	127
«Я не вырос нисколечко. Мама, прости!..»	128

VI

Аркадия Львовна	131
«Про бабу Ньюру болтали всякое...»	132
Секретик	133
Лизавета молчит	135
«Чует Сережа, что не жилец...»	138
Федорино горе	139
Блюз	141
«Над Стокгольмом сгущаются сумерки...»	142
Богиня	145
Пьеро	146
«Катился себе по листьям...»	147

Русалочка	148
Йети	149
Лягухи	151
«На рыбьих свиданиях тихо...».....	152
«В лавчонку разных мелочей...».....	153
«Выкопаю пугало...»	154

VII

«Что находилось во чреве кита?...»	157
Невод	158
Из варяг в греки	159
«Переводи старух через дорогу...».....	160
«Скрипят в парадной петли ржавые...».....	161
«Куда, умерев, попадает поэт?...»	162
«Вижу, из дома уходит Толстой...»	163
Сила языка	164
Булки	165
«Под каблуком опавший желузь...».....	167
«Я уверен, что загодя все решено...»	168
Снилось мне.....	169
«Зашей мне, пожалуйста, сердце...»	170
Вороненок.....	171
«Покуда осень делает сюрпляс...».....	173
Цыплята	174

Вадим Яковлевич Смоляк

Яблочное стаккато

Стихотворения

Верстка Е. В. Житинской

Корректурa Ю. Б. Гомулиной

Художник Игорь Васильев

Дизайн обложки Е. О. Шварёвой

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 23.06.22. Формат 84x108 ¹/₃₂

Гарнитура Уорнок. Печ. л. 5,625

Заказ 05-01

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»

Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28

<http://www.heliconplus.ru>

Мне досталось богатое наследство: ленинградская память, еврейская грусть и наивный, порой детский, взгляд на жизнь. Что оставалось делать с таким счастьем? Только писать стихи.

Первые творческие эксперименты пришлось на 1980-е. Это было замечательное бесшабашное время, когда пятака хватало для перемещения в пространстве, а культурным кодом служил рок-н-рольный квадрат.

И были стихи. Как без них, если на Марсовом сирень, в голове «Смок он зе уота», а тебе шестнадцать?

Я рос и вырослел со своим поколением. Пара крутых виражей сбросила юных мечтателей с неба на землю и заставила сменить полет на бег. Наступало время междометий. Выражаться следовало кратко, по существу.

Стихи замолчали на долгие четверть века. А когда мне, сорокапятилетнему мужчине, пришлось в очередной раз начинать с нуля, я вспомнил о них. Словно барон Мюнхгаузен за косичку, я вытянул себя за способность писать буквы и складывать их в слова.

Так родились сценарии для анимационных фильмов, взрослые и детские рассказы. И стихи. Маленькие истории о детстве, в котором был я, о родителях, чье продолжение — я есть, о городе, что всегда в моем сердце, о дружбе и ее невероятно высокой цене, о любви, возникающей из ниоткуда и уходящей в никуда, об окружающих нас персонажах, сказочных и не очень.

Открыв книгу, вы увидите мир моими глазами.

Я постарался рассказать о нем честно.

ISBN 978-5-00098-337-9

9 785000 983379 >

Издательство «Геликон Плюс»

www.heliconplus.ru